

Затерянный город Z

Автор:

[Дэвид Гранн](#)

Затерянный город Z

Дэвид Гранн

The Big Book

В 1925 году британский полковник Перси Фосетт отправился в джунгли Амазонки, чтобы отыскать столицу инков, легендарное Эльдorado, которое он предпочитал называть «город Z». Экспедиция пропала – и поиски ее следов сделались наваждением для множества людей. А некоторым из них это стоило жизни. В 2005 году нью-йоркский журналист Дэвид Гранн заинтересовался судьбой отважного полковника и неожиданно для себя тоже отправился в Бразилию. Его книга не просто увлекательное историческое расследование, а еще и живой, захватывающий рассказ о величественном и до сих пор малоизученном крае. В 2009 году книга попала в шорт-лист премии Сэмюэла Джонсона как лучший нон-фикшн, а осенью 2016 года состоялся фестивальныи показ фильма по этой книге. Роль полковника Фосетта сыграл Чарли Ханнэм («Хулиганы», «Тихоокеанский рубеж»), в остальных ролях – Роберт Паттинсон («Сумерки», «Гарри Поттер и Кубок огня»), Том Холланд («Невозможное», «В сердце моря») и другие актеры. Мировая премьера фильма состоится весной 2017 года.

Дэвид Гранн

Затерянный город Z

David Grann

THE LOST CITY OF Z:

A TALE OF DEADLY OBSESSION IN THE AMAZON

Copyright © 2009 by David Grann

All rights reserved

Published by arrangement with The Robbins Office, Inc. and Aitken Alexander Associates Ltd and The Van Lear Agency LLC.

© А. Капанадзе, перевод, примечания, 2017

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017

Издательство АЗБУКА®

* * *

Моей отважной Кире

Порой, увидев неожиданный ракурс пейзажа или забрезживший в тумане свет, услышав разговор прохожих, встретившихся в суматохе улицы, я думаю: вот с этого я и начну понемногу строить идеальный город из таких осколков... И хоть я говорю тебе, что город, к которому лежит мой путь, рассеян в пространстве и во времени – где реже, а где гуще, – не подумай, будто можно перестать его искать.

Итало Кальвино. Невидимые города

Перевод Н. Ставровской

Пролог

Я вытащил карту из заднего кармана. Она была промокшая и измятая, и линии, которые я провел на ней, чтобы обозначить свой маршрут, успели поблекнуть. Я уставился на свои пометки, надеясь, что они все-таки могут вывести меня из Амазонии, а не завести в ее дебри еще глубже.

В центре карты еще можно было различить букву Z. Впрочем, она казалась не значком на воображаемом дорожном указателе, а скорее насмешкой, еще одним подтверждением моего сумасбродства.

Я всегда считал себя беспристрастным репортером, свободным от личной вовлеченности в сюжеты. Другие, казалось мне, частенько уступают своим безумным мечтам и страстям, но я-то всегда старался быть невидимым свидетелем. И я убедил себя, что именно поэтому я преодолел больше десяти тысяч миль, от Нью-Йорка до Лондона, а потом – к реке Шингу, одному из самых длинных притоков Амазонки; именно поэтому я месяцами сидел над сотнями страниц дневников и писем Викторианской эпохи; и именно поэтому я оставил дома жену и годовалого сына и дополнительно застраховал свою жизнь.

Я уверял себя, что явился сюда лишь затем, чтобы описать, как много поколений ученых и искателей приключений, поддавшись роковой одержимости, пытались отыскать решение загадки, которую нередко называли «величайшей тайной неизведанных земель в XX столетии», – пытаюсь установить местонахождение затерянного города Z. Многие считали, что в Амазонии, в глубине самых обширных джунглей в мире, скрывается древний город, с целой сетью дорог и мостов, с множеством храмов. Даже в эпоху самолетов и спутников этот район остается одним из последних белых пятен на карте. Сотни лет он будоражил воображение географов, археологов, создателей империй, охотников за сокровищами и философов. Когда на рубеже XV–XVI веков европейцы впервые достигли Южной Америки, они были убеждены, что в джунглях таится сияющее царство – Эльдorado. Разыскивая его, сгинули тысячи людей. В более поздние времена ученые не раз приходили к выводу, что никакая развитая цивилизация не могла бы возникнуть в столь неблагоприятной среде, где почва малопригодна для земледелия, москиты переносят смертельные заболевания, а под пологом

леса прячутся хищные звери.

Этот регион обычно принято было считать диким краем, таким местом, где, по словам Томаса Гоббса, описывавшего состояние первозданной природы, нет «ни Искусства, ни Науки, ни общества, а что хуже всего – царит постоянный страх и вечно грозит опасность умереть насильственной смертью». Безжалостные природные условия Амазонии послужили питательной почвой для одной из самых стойких теорий развития человека – экологического детерминизма. Согласно этой теории, даже если некоторые из первобытных людей и сумели выжить в этих тяжелейших на планете условиях, они представляли собой всего лишь немногочисленные примитивные племена, и их развитие вряд ли зашло далеко. Иными словами, общество – заложник географии. А значит, если бы в такой, по всей видимости, непригодной для жизни среде был обнаружен город Z, это открытие означало бы не просто находку неких драгоценных сокровищ или удовлетворение интеллектуального любопытства – такое достижение, как провозглашала одна газета в 1925 году, «вписало бы новую главу в историю человечества».

Почти целое столетие исследователи жертвовали всем, даже собственной жизнью, чтобы отыскать город Z. Поиски загадочной цивилизации, а также тех бесчисленных людей, которые исчезли, ища ее, оказали влияние на творчество Артура Конан Дойла и Райдера Хаггарда, – между прочим, оба автора романов о первопроходцах в свое время сами поучаствовали в охоте на город Z. Иногда мне приходилось напоминать себе, что все в этой истории – правда: кинозвезду на самом деле похитили индейцы; действительно существовали людоеды, развалины, тайные карты и шпионы; путешественники умирали от голода, болезней, нападений диких зверей и отравленных стрел; и за всеми этими приключениями и смертями стояла одна главная цель: понять самую суть двух Америк, узнать, какими они были еще до того, как Христофор Колумб высадился в Новом Свете.

Но сейчас, когда я рассматривал свою измятую карту, ничто из этого уже не имело значения. Я поднял взгляд на переплетение деревьев и ползучих растений, окружавшее меня со всех сторон, я смотрел на кусачих мух и москитов, оставлявших струйки крови у меня на коже. Я потерял проводника. У меня кончились еда и вода. Засовывая карту обратно в карман, я двинулся вперед, пытаюсь найти выход, и ветки хлестали меня по лицу. Тут я заметил какое-то шевеление среди деревьев. «Кто здесь?» – позвал я. Ответа не было. Между ветвей мелькнула чья-то фигура, потом еще одна. Они подходили все

ближе, и я впервые задался вопросом: «Какого черта я здесь делаю?»

Глава 1

Мы вернемся

В 1925 году, холодным январским днем, высокий элегантный джентльмен спешил по пристани городка Хобокен (штат Нью-Джерси) к пароходу «Вобан» – 511-футовому океанскому лайнеру, отправлявшемуся в Рио-де-Жанейро. Джентльмену было пятьдесят семь, ростом он был выше шести футов, его длинные жилистые руки бугрились мышцами. Хотя волосы у него редели, а в усах пробивалась седина, он был в отличной форме и мог прошагать несколько дней кряду почти без еды и отдыха – а то и вовсе обходясь без них. Нос у него был кривой, точно у боксера, и во всем его облике чувствовалась какая-то свирепость – особенно в глазах, близко посаженных и глядящих на мир из-под кустистых бровей. У всех, даже у его родных, имелись разные мнения насчет того, какого цвета у него глаза: одни считали – голубого, другие – серого. Однако практически всех, кто с ним встречался, поражала пристальность его взгляда: некоторые говорили, что у него «глаза пророка». Его часто фотографировали в сапогах для верховой езды и ковбойской шляпе, с ружьем за плечом, но даже сейчас, когда он был в костюме и при галстуке, без обычной для него буйной бороды, собравшаяся на пирсе толпа легко его узнала. Это был полковник Перси Гаррисон Фосетт, и его имя было известно во всем мире.

Он был последним[1 - Он был последним... – Несмотря на то что многие свои экспедиции Фосетт совершил уже после смерти королевы Виктории в 1901 году, его часто называют викторианским путешественником. Он не только возмужал в викторианский период – он был, почти во всех смыслах, буквально пропитан викторианской этикой и свойственной тогдашней эпохе духом первооткрывательства.] из великих первооткрывателей Викторианской эпохи, отправлявшихся в царства, которых нет на карте, вооружившись, можно сказать, лишь мачете, компасом да почти религиозным рвением. Два десятка лет рассказы о его приключениях будоражили воображение людей: о том, как он, без всяких контактов с внешним миром, выжил в первозданных джунглях Южной Америки; о том, как его захватили в плен враждебно настроенные туземцы, многие из которых никогда прежде не видели белого человека; о том,

как он сражался с пираньями, электрическими угрями, ягуарами, крокодилами, летучими мышами-вампирами и анакондами, одна из которых его едва не задушила; и о том, как он выходил из джунглей, принося карты областей, из которых до этого не возвращалась ни одна экспедиция. Его величали «амазонским Дэвидом Ливингстоном»; многие считали, что он наделен непревзойденной выносливостью и живучестью, а некоторые его коллеги заявляли даже, что он обладает иммунитетом к смерти. Один американский путешественник описывает его как «бесстрашного человека с несокрушимой волей, с безграничными внутренними ресурсами»; другой замечает, что он мог «обставить кого угодно по части походов и путешествий». Лондонский «Джиографикэл джорнэл», пользующийся непревзойденным авторитетом в своей области, отмечал в 1953 году, что «Фосетт знаменовал собой конец эпохи. Его можно назвать последним из первооткрывателей-одиночек. Дни самолетов, радио, организованных и щедро финансируемых современных экспедиций тогда еще не наступили. Он являет собой героический пример человека, вступившего в единоборство с лесом».

В 1916 году Королевское географическое общество (КГО) с благословения короля Георга V наградило его золотой медалью «за вклад в создание карт Южной Америки». И каждые несколько лет, когда он, отощавший и измученный, выныривал из своих джунглей, десятки ученых и разного рода знаменитостей до отказа набивались в зал общества, чтобы послушать его доклад. Случалось, среди них был[2 - Среди них был... – Конан Дойл, примечания к «Затерянному миру»]; Перси Гаррисон Фосетт, «Неоконченное путешествие». Об истоках отношений между Перси Фосеттом и Конан Дойлом известно мало. В «Неоконченном путешествии» указано, что Конан Дойл посетил одну из лекций Фосетта, которую тот прочел перед членами Королевского географического общества. В одном из писем к Конан Дойлу Фосетт вспоминает, как тот пытался связаться с ним, когда писал свой «Затерянный мир», но ему вынуждена была ответить Нина, так как сам Фосетт находился в то время в джунглях. В аннотированном «Затерянном мире», вышедшем в 1996 году, Рой Пайлот и Элвин Родин подчеркивают, что Фосетт был «хорошо известен Конан Дойлу», и даже перечисляют множество сходных черт между Фосеттом и героем романа – вымышленным путешественником Джоном Рокстоном. Любопытно, что Перси, возможно, не был единственным из Фосеттов, оказавшим влияние на это знаменитое произведение Конан Дойла. В 1894 году, за два десятка лет до публикации «Затерянного мира», Эдвард, брат Фосетта, выпустил книгу «Поглощенные землетрясением» – роман, где также рассказывается о людях, обнаруживших скрытый от посторонних глаз мир, где обитают доисторические динозавры. В своей статье, опубликованной в «Бритиш Хэритэйдж» в 1985 году,

писатель Роберт К. Дж. Темпл, литературный душеприказчик Эдварда Фосетта, обвиняет Конан Дойла в «бесстыдном» заимствовании сюжета ныне почти забытого романа Эдварда.] и сэр Артур Конан Дойл, который, как говорили, во многом основывался на опыте Фосетта, когда писал свой «Затерянный мир», вышедший в 1912 году. В этом романе путешественники «уходят в неведомое» где-то в Южной Америке и на укромном плато обнаруживают страну, где обитают динозавры, избегнувшие вымирания.

Спеша в тот январский день к сходяням, Фосетт до странности напоминал одного из главных героев дойловской книги – лорда Джона Рокстона: «В нем было нечто и от Наполеона III, и от Дон Кихота, и от типично английского джентльмена... Голос у лорда Рокстона мягкий, манеры спокойные, но в глубине его мерцающих голубых глаз таится нечто, свидетельствующее о том, что обладатель этих глаз способен приходить в бешенство и принимать беспощадные решения, а его обычная сдержанность только подчеркивает, насколько опасен может быть этот человек в минуты гнева»[1 - Перевод Н. Волжиной.].

Ни одна из предыдущих экспедиций Фосетта не шла ни в какое сравнение с той, которую он намерен был предпринять ныне, и он едва скрывал нетерпение, вслед за другими пассажирами поднимаясь на борт парохода «Вобан». Это судно[3 - Это судно... – Источник моих описаний «Вобана» и жизни на борту океанских лайнеров того времени – в частности, брошюра компании «Лэмпорт и Хольт» «Южная Америка: земля новых возможностей, континент захватывающих чудес, рай для туристов», работа Хитона «Лэмпорт и Хольт» и книга Макстона-Грэма «Единственный путь на ту сторону».] компании «Лэмпорт и Хольт», разрекламированное как «лучшее в мире», принадлежало к VIP-классу. Во время Первой мировой немцы потопили несколько океанских лайнеров компании, но этот уцелел и теперь по-прежнему демонстрировал миру свой черный, испещренный полосками морской соли корпус, изящные белые палубы и полосатую трубу, выпускающую в небеса клубы дыма. «Форды-Т» свозили пассажиров на пристань, где портовые грузчики помогали перевозить их багаж в корабельные трюмы. На многих пассажирах мужского пола были шелковые галстуки и котелки, тогда как женщины были одеты в меховые шубки и шляпы с перьями, словно они явились на светский прием. В каком-то смысле так оно и было: списки пассажиров роскошных океанских лайнеров регулярно публиковались в разделах светской хроники, и девушки тщательно изучали их в поисках подходящих холостяков.

Фосетт шагал вперед вместе со своим снаряжением. В его дорожных сундуках лежали пистолеты, консервы, сухое молоко, сигнальные ракеты и несколько мачете ручной работы. Кроме того, при нем был набор картографических инструментов: секстант и хронометр для определения широты и долготы, барометр-анероид для измерения атмосферного давления и глицериновый компас, помещающийся в кармане. Каждый предмет Фосетт выбрал на основании многолетнего опыта: даже одежда, которую он взял с собой, была сделана из легкого, прочного на разрыв габардина. Ему доводилось видеть, как путешественники гибли из-за самого, казалось бы, безобидного недосмотра – из-за порванной сетки, из-за слишком тесного сапога.

Фосетт отправлялся в Амазонию – дикий край размером примерно с континентальную часть Соединенных Штатов. Он стремился совершить то, что сам именовал «великим открытием нашего века»: отыскать затерянную цивилизацию. К тому времени почти весь мир уже был исследован, с него успели снять покров загадочного очарования, однако Амазония оставалась таинственной, словно темная сторона Луны. Сэр Джон Скотт Келти, бывший секретарь Королевского географического общества и один из всемирно известных географов того времени, как-то заметил: «Никто не знает, что там».

С тех пор как в 1542 году Франсиско де Орельяна во главе армии испанских конкистадоров спустился вниз по Амазонке, ни одно место на планете, пожалуй, так не воспламеняло человеческое воображение – и так не манило людей к гибели. Гаспар де Карвахаль, доминиканский монах, спутник Орельяны, описывал женщин-воительниц, встреченных ими в джунглях и напоминавших амазонок из древнегреческих мифов. Полвека спустя сэр Уолтер Рэли рассказывал об индианках с «глазами на плечах и ртами посреди груди». Эту легенду Шекспир вплел в «Отелло»:

...О каннибалах, что едят друг друга,

Антропофагах, людях с головою,

Растущей ниже плеч[2 - Перевод М. Лозинского.].

Правда об этих краях – то, что змеи здесь длинные, точно деревья, а грызуны размером со свинью, – представлялась настолько невероятной, что никакие приукрашивания не казались чрезмерными. И больше всего зачаровывал людей образ Эльдорадо. Рэли утверждал, что в этом царстве, о котором конкистадоры слышали от индейцев, золото было в таком изобилии, что местные жители

размалывали металл в порошок и вдували его «через полые трубки в нагие свои тела, пока не начинали те сиять с ног до головы».

Однако каждая экспедиция, пытавшаяся отыскать Эльдorado, оканчивалась крахом. Карвахаль, чей отряд тоже искал это царство, писал в дневнике: «Положение наше было столь безнадежное, что мы принуждены были есть кожу одежд наших, ремни и подошвы, приготовленные с особыми травами, и оттого мы столь ослабели, что не могли более держаться на ногах». В ходе одной только этой экспедиции погибло около четырех тысяч человек – от голода и болезней, а также от рук индейцев, защищавших свою территорию с помощью отравленных стрел. Другие отряды, отправлявшиеся на поиски Эльдorado, в конце концов впадали в людоедство. Многие первопроходцы сходили с ума. В 1561 году Лопе де Агирре учинил среди своих людей чудовищную бойню, крича во все горло: «Неужто Господь думает, что, раз идет дождь, я не стану... уничтожать мир?» Агирре даже заколол собственного ребенка, шепча: «Поручи себя Господу, дочь моя, ибо я намерен убить тебя». Испания отправила войска для того, чтобы остановить его, однако Агирре успел отправить предостерегающее письмо: «Я клянусь, о Король, клянусь честным словом христианина, что, даже если сюда явятся сто тысяч, ни один из них не уйдет отсюда живым. Ибо все свидетельства лгут: на этой реке нет ничего, кроме отчаяния». Спутники Агирре в конце концов взбунтовались и убили его; затем его тело четвертовали, и позже испанские власти выставляли на всеобщее обозрение голову того, кого они прозвали «гневом Божьим», помещенную в металлическую клетку. Однако в течение еще трех веков экспедиции продолжали вести поиски, пока, после обильной жатвы смертей и страданий, достойных пера Джозефа Конрада, большинство археологов не пришли к выводу, что Эльдorado – не более чем миф.

Тем не менее Фосетт был уверен, что где-то в джунглях Амазонии скрывается легендарное королевство, а ведь он не был очередным «солдатом удачи» или сумасбродом. Человек науки, он долгие годы собирал доказательства своей правоты – проводил раскопки, изучал петроглифы, опрашивал местные племена. И после яростных баталий с бесчисленными скептиками Фосетт наконец добился финансовой поддержки от самых уважаемых научных организаций, в том числе от Королевского географического общества, Американского географического общества и Музея американских индейцев. Газеты наперебой заявляли, что скоро он потрясет мир своим открытием. «Атланта конститьюшн» провозглашала: «Вероятно, это самое рискованное и, без сомнения, самое впечатляющее путешествие подобного рода, когда-либо предпринимавшееся уважаемым ученым при поддержке консервативных научных обществ».

Фосетт был убежден, что в бразильской части Амазонии до сих пор существует древняя высокоразвитая цивилизация, настолько старая и сложно устроенная, что она способна раз и навсегда переменить традиционные представления западного человека об Американском континенте. Свой затерянный мир он окрестил городом Z. «Центр этой области я назвал Z – это наша главная цель, располагающаяся в долине... имеющей в ширину примерно десять миль, и посреди ее – великолепный город, к которому ведет двускатная каменная дорога, – писал Фосетт ранее. – Дома там приземисты и лишены окон, а кроме того, там имеется святилище в форме пирамиды».

Репортеры, собравшиеся на пристани Хобокена, отделенной от Манхэттена рекой Гудзон, выкрикивали вопросы, надеясь разузнать местонахождение Z. После технологических ужасов Первой мировой, в эпоху расцвета урбанизации и индустриализации, лишь немногие события так захватывали внимание общества. Одна газета восклицала: «С тех пор как Понсе де Леон[З - Понсе де Леон – соратник Колумба, губернатор Пуэрто-Рико и Гаити.] пересекал неведомую Флориду в поисках Вод вечной юности... никто не задумывал путешествия, которое бы настолько потрясло воображение».

Фосетт благожелательно относился ко «всей этой шумихе», как он выразился в письме к другу, но он был весьма сдержан в своих ответах. Он знал, что его главный соперник, Александр Гамильтон Райс, американский врач и мультимиллионер, уже вступает в джунгли с небывало обильным снаряжением. Мысль о том, что доктор Райс может сам отыскать Z, ужасала Фосетта. Несколько лет назад Фосетт оказался свидетелем того, как Роберт Фолкон Скотт, его коллега по Королевскому географическому обществу, отправился в путь, чтобы стать первым путешественником, который достигнет Южного полюса, – лишь для того, чтобы, добравшись до цели, прежде чем самому погибнуть от обморожения, узнать, что его норвежский конкурент Руаль Амундсен опередил его на тридцать три дня. Незадолго до нынешнего путешествия Фосетт написал Королевскому географическому обществу: «Я не могу сообщить все, что знаю, или даже точно указать место, поскольку такие подробности имеют обыкновение просачиваться наружу, между тем для первопроходца не может быть ничего обиднее, как обнаружить, что венец его трудов перехватил кто-то другой».

Кроме того, он опасался, что если он разгласит детали маршрута, то позже другие попытаются найти Z или же спасти самого путешественника, а это может повлечь за собой бесчисленное множество смертей. Не так давно в этом регионе

пропала экспедиция из тысячи четырехсот вооруженных людей. Агентство новостей по телеграфу извещало весь мир об «экспедиции Фосетта... цель которой – проникнуть в страну, откуда никто не возвращался». При этом Фосетт, намереваясь добраться до самых труднодоступных районов, не собирался, в отличие от своих предшественников, пользоваться лодкой, – напротив, он планировал идти пешком, прорубаясь сквозь джунгли. Королевское географическое общество предупреждало, что Фосетт – «едва ли не единственный из ныне живущих географов, который мог бы успешно попытаться» осуществить такую экспедицию, и что «бессмысленно было бы кому-нибудь другому пытаться следовать его примеру». Перед тем как отплыть из Англии, Фосетт признался младшему сыну Брайану: «Если при всей моей опытности мы ничего не добьемся, едва ли другим посчастливится больше нас»[4 - Здесь и далее цитаты из «Неоконченного путешествия» Фосетта приводятся по опубликованному русскому переводу С. Серпинского.].

Репортеры роились вокруг него; Фосетт объяснял, что лишь небольшая экспедиция имеет хоть какие-то шансы выжить. Она сможет прокормить себя, питаясь дарами природы, и не будет представлять угрозы для враждебно настроенных индейцев. Эта экспедиция, как он подчеркивал, «не будет комфортно обставленным предприятием, обслуживаемым целой армией носильщиков, проводников и вьючных животных. Такие громоздкие отряды никуда не годятся, обычно они не идут дальше границ цивилизованного мира и упиваются поднятой вокруг них шумихой. Там, где начинаются по-настоящему дикие места, никаких носильщиков достать нельзя – так велик страх перед дикарями. Животных тоже нельзя брать с собой из-за отсутствия пастбищ и непрерывных нападений насекомых и вампиров. Для этих мест нет проводников, так как страну никто не знает. Тут важно сократить экипировку до минимума, чтобы ее можно было нести на собственных плечах, и проникнуться уверенностью в том, что можно отлично просуществовать, устанавливая дружеские отношения с различными племенами, которые встретятся по пути». Теперь же он добавил: «Нам придется подвергать себя воздействию среды – во всевозможных смыслах... Нам придется достичь стойкости нервной, душевной, а также физической, так как люди, оказавшиеся в подобных условиях, зачастую ломаются из-за того, что дух предает их еще раньше, чем тело».

Фосетт выбрал себе лишь двух спутников: своего двадцатидесятилетнего сына Джека и Рэли Раймела, лучшего друга Джека. Хотя оба никогда не бывали в экспедициях, Фосетт считал, что для нынешнего путешествия они подходят идеально: выносливые, верные, а также, благодаря своей близкой дружбе, едва ли способные, после мучительных месяцев, проведенных в отрыве от

цивилизации, «донимать и раздражать друг друга» – или, как нередко случается в подобных экспедициях, поднимать мятеж. Джек, по описанию его брата Брайана, был «точной копией отца»: высокий, аскетичный, устрашающе крепкий. Ни он, ни его отец не курили и не пили. Брайан отмечает, что Джек «был крепким парнем шести футов трех дюймов ростом, весь кости да мышцы; все, что наиболее губительно действует на здоровье, – алкоголь, табак и разгульная жизнь – претило ему». Полковник Фосетт, следовавший строгому викторианскому кодексу, выразил это несколько иначе: «Он... совершенный девственник душой и телом».

Джек, с детства жаждавший сопровождать отца в какой-нибудь из его экспедиций, готовился к этому годами – поднимая тяжести, придерживаясь строгой диеты, изучая португальский, практикуясь в ориентировании по звездам. Однако в жизни он редко сталкивался с настоящей нуждой, и его лицо с лоснящейся кожей, топорщащимися усами и прилизанными каштановыми волосами ничем не напоминало суровые черты отца. В своем модном наряде он скорее напоминал кинозвезду, – кем он и намеревался стать после своего триумфального возвращения.

Рэли, хоть был и пониже Джека, все же был примерно шести футов ростом и весьма мускулист. («Отличное телосложение», – сообщал Фосетт в послании, адресованном КГО.) Его отец был хирургом Королевского военно-морского флота и умер от рака в 1917 году, когда Рэли было пятнадцать. Темноволосый, с отчетливым треугольным мыском волос на лбу – «вдовьим выступом»[5 - Такой выступ, по английской примете, предвещает раннее вдовство.] – и усиками шулера с речного парохода, Рэли был по натуре шутник и проказник. «Он был прирожденный комик, – сообщает Брайан Фосетт, – полная противоположность серьезному Джеку». Ребята были почти неразлучны еще с тех пор, когда вместе бродили по лесам и полям в краях, где оба выросли, – близ Ситона в графстве Девоншир. Там они катались на велосипедах и палили в воздух. В письме к одному из доверенных лиц Фосетта Джек писал: «Теперь с нами на борту Рэли Раймел, а он такой же одержимый, как и я... Это мой единственный в жизни близкий друг. Мы познакомились, когда мне было семь, и с тех пор мы почти не расставались. Это человек самый честный и достойный, во всех смыслах слова, и мы знаем друг друга как свои пять пальцев».

Когда взволнованные Джек и Рэли ступили на борт корабля, их встретили там десятки стюардов в накрахмаленной белой форме: они носились по коридорам с телеграммами и корзинами фруктов, присланными провожающими. Один из

стюардов, старательно избегая кормы, где ехали пассажиры третьего и четвертого класса, провел путешественников в каюты первого класса, расположенные в центре судна, подальше от грохота винтов. Условия здесь разительно отличались от тех, в которых Фосетт совершал свое первое плавание в Южную Америку, и от тех, в которых Чарльз Диккенс пересекал Атлантику в 1842 году: он описывает свою каюту как «в высшей степени неудобную, совершенно безрадостную и чрезвычайно нелепую коробку». (А столовая, отмечает Диккенс, напоминала «катафалк с окошками».) Теперь же все было приспособлено для того, чтобы удовлетворить потребности нового поколения туристов – «обычных путешественников», уничижительно замечает Фосетт, добавляя, что они обращают мало внимания на «те места, что сегодня требуют от вас известной выносливости и самоотверженности, а также телосложения, необходимого для того, чтобы противостоять опасностям». В каютах первого класса имелись кровати и водопровод; иллюминаторы пропускали солнечный свет и свежий воздух, а над головой вращались лопасти электрических вентиляторов. В судовых рекламных проспектах расхваливали установленную на «Вобане» «идеальную систему вентиляции, оснащенную всеми современными приспособлениями», которая поможет «забыть предвзятое мнение о том, что путешествие в тропики и через тропики обязательно связано с каким-то дискомфортом».

Фосетт, как и многие другие викторианские первопроходцы, был своего рода профессиональным дилетантом: будучи географом-самоучкой и археологом-самоучкой, он был еще и талантливым художником (его рисунки тушью выставлялись в Королевской академии искусств) и судостроителем (в свое время он запатентовал так называемую «ихтиодную кривую», благодаря которой скорость кораблей могла увеличиваться на целые узлы). Несмотря на свой интерес к морю, в письме к жене Нине (своему самому преданному стороннику и вдобавок публичному представителю в то время, когда он бывал в отлучке) он сообщает, что нашел пароход «Вобан» и само плавание «скучным»: единственное, чего ему хотелось, – оказаться в джунглях.

Между тем Джек и Рэли с энтузиазмом принялись исследовать роскошное убранство судна. За одним поворотом оказался салон со сводчатым потолком и мраморными колоннами. За другим – столовая, где столы были устланы белыми скатертями и официанты в строгих черных костюмах разносили баранину на ребрышках и разливали вино из графинов, а рядом играл оркестр. На корабле имелся даже гимнастический зал, где молодые люди могли потренироваться, готовясь к экспедиции.

Джек и Рэли уже не были двумя безвестными парнями: они являлись, если верить газетным хвалам, «отважными», «несгибаемыми англичанами», и каждый из них был вылитый сэра Ланселот. Они встречали солидных господ, которые приглашали их присесть к ним за столик, и женщин с длинными сигаретами, которые одаряли их, как выражался полковник Фосетт, «взглядами, исполненными откровенного бесстыдства». Судя по всему, Джек толком не знал, как себя вести с женщинами: похоже, для него они были такими же таинственными и далекими, как город Z. Однако Рэли скоро пустился флиртовать с одной девицей, наверняка хвастаясь перед ней своими грядущими приключениями.

Фосетт понимал, что для Джека и Рэли эта экспедиция – по-прежнему всего лишь нечто умозрительное. В Нью-Йорке молодые люди в полной мере вкусили славы: взять хотя бы проживание в отеле «Уолдорф-Астория», где в последний вечер солидные господа и ученые со всего города и окрестностей устроили в Золотом зале особый прием, чтобы пожелать им счастливого пути; или тосты, провозглашавшиеся в их честь в Походном клубе[6 - Клуб для девочек-скаутов, основанный в 1910 г.] и в Национальном клубе искусств; или остановку на острове Эллис (чиновник иммиграционной службы сделал пометку, что никто в их отряде не был ни «атеистом», ни «многоженцем», ни «анархистом», ни «испорченной личностью»[7 - Намек на стандартные вопросы анкеты, заполнявшейся при въезде в США.]); или кинематографы, где Джек пропадал днями и ночами.

Тогда как Фосетт вырабатывал выносливость постепенно, за долгие годы странствий, Джеку и Рэли предстояло обрести все нужные качества в одночасье. Однако Фосетт не сомневался, что им это удастся. В дневнике он писал, что Джек подходит ему «по всем статьям», и предсказывал: «Он молод и приспособится к чему угодно, несколько месяцев похода дадут ему нужную закалку. Если он пойдет в меня, к нему не прилипнет никакая зараза... а на крайний случай у него есть мужество». Фосетт был уверен и в Рэли, который смотрел на Джека почти таким же горящим взором, как сам Джек – на своего отца. «Рэли последует за ним повсюду», – замечал он.

Среди команды корабля раздались крики: «Отдать швартовы!» Капитан дал свисток, и этот пронзительный звук разнесся над портом. Судно закрипело и приподнялось на волнах, отваливая от пристани. Фосетту виден был пейзаж Манхэттена, с его башней страховой компании «Метрополитен», некогда самой высокой на планете, и небоскребом Вулворта, который недавно превзошел ее.

Огромный город сверкал огнями, точно кто-то собрал в нем все звезды с неба. Джек и Рэли стояли рядом с путешественником, и Фосетт прокричал собравшимся на причале репортерам: «Мы вернемся! И мы добудем то, что искали!»

Глава 2

Исчезновение

Как обманчива Амазонка.

Она начинается[4 - Она начинается... - Описания Амазонки я почерпнул из нескольких источников. В их числе: Гулдинг, Бартем и Феррейра. Смитсонов атлас Амазонии; Ревкин. Испепеляющий сезон; Хаскинс. Амазонка; Уитмор. Тропические дождевые леса: введение; Бейтс. Натуралист на Амазонке; Прайс. Диковинная Амазонка.] как скудный ручеек, эта самая могучая река в мире, более мощная, чем Нил и Ганг, чем Миссисипи и любая из рек Китая. Высоко в Андах, на отметке больше восемнадцати тысяч футов, среди снегов и облаков, она сочится из скального пласта, струйка кристально чистой воды. Здесь она неотличима от множества других потоков, петляющих через Анды. Иные из них потом низвергаются с западного склона гор, устремляясь в Тихий океан, что лежит в шестидесяти милях отсюда, иные же, подобно ей, стекают вниз по восточному гребню, совершая, казалось бы, невозможное путешествие к Атлантическому океану и преодолевая расстояние большее, нежели от Нью-Йорка до Парижа. На такой высоте воздух слишком холоден, чтобы здесь существовали джунгли или в большом количестве водились хищники. Однако именно в этих местах рождается Амазонка, которую питают талые снега и дожди, а сила тяжести увлекает вниз по склонам.

Немного поплутав в горах, река резко обрушивается вниз. Набирая скорость, она сливается с сотнями других речушек, большинство из которых настолько малы, что до сих пор не имеют названия. Затем вода втекает в долину, лежащую на семь тысяч футов ниже; здесь уже видны пятна зелени. Вскоре к ней сходятся более крупные потоки. Река бурно низвергается на равнины; ей остается еще три тысячи миль до Атлантики. Она неудержима. Как и джунгли, которые, благодаря экваториальной жаре и обильным ливням, постепенно обступают ее

берега. Раскинувшись до горизонта, этот первозданный край служит обиталищем самого большого количества видов живых существ в мире. Здесь река впервые становится узнаваемой: да, это действительно Амазонка.

Но река по-прежнему не то, чем кажется. Извиваясь, она течет на восток и попадает в огромный регион, напоминающий по форме пустую вогнутую чашу, а поскольку Амазонка протекает по дну этого бассейна, в нее вливается около сорока процентов всех южноамериканских вод – в том числе и от самых отдаленных рек из Колумбии, Венесуэлы, Боливии и Эквадора. И Амазонка становится еще более могучей. Местами ее глубина достигает трехсот футов; ей больше незачем спешить, и она продолжает завоевание, двигаясь с той скоростью, какая ей нравится. Она петляет мимо Риу-Негру и Риу-Мадейру, мимо Тапажоса и Шингу – двух своих самых больших южных притоков; мимо Маражо, острова, превышающего по размерам Швейцарию; и в конце концов, покрыв четыре тысячи миль и вобрав в себя воды тысячи притоков, Амазонка достигает своего устья, ширина которого – двести миль, и впадает в Атлантический океан. То, что начиналось как ручеек, теперь каждую секунду извергает в океан пятьдесят миллионов галлонов воды – в шестьдесят раз больше, чем Нил. Пресная вода Амазонки с огромной силой вырывается в море: в 1500 году испанский капитан Висенте Пинсон, один из прежних спутников Колумба, обнаружил эту реку, проплывая в нескольких милях от побережья Бразилии. Он назвал ее *Mar Dulce* – Пресное море.

Эту территорию трудно исследовать в любых условиях, но в ноябре, с наступлением сезона дождей, задача становится практически невыполнимой. О берег бьются волны – в том числе и ежемесячные приливы, движущиеся со скоростью пятнадцать миль в час и называемые здесь «поророка» – «большой рев». В Белене уровень Амазонки часто повышается на двенадцать футов, в Икитосе – на двадцать футов, в Обидусе – на тридцать пять. Мадейра, самый длинный приток Амазонки, может разливаться даже сильнее, поднимаясь на шестьдесят пять футов и выше. При разливах, длящихся месяцами, многие из этих и других рек вырываются из берегов, мчатся сквозь лес, подрывая деревья и снося камни, обращая южную часть Амазонии почти в материковое море, которое и находилось здесь миллионы лет назад. А потом выглядывает солнце и испепеляет эти края. Почва трескается, словно от землетрясения. Болота испаряются, пираньи в пересыхающих заводях пожирают друг друга. Топи превращаются в луга; острова становятся холмами.

Так в южную часть бассейна Амазонки приходит сухой сезон. По крайней мере, так было практически всегда, сколько себя помнят люди. Так было и в июне 1996 года, когда экспедиция бразильских ученых и искателей приключений отправилась в здешние джунгли. Они разыскивали следы полковника Перси Фосетта, который исчез здесь вместе со своим сыном Джеком и Рэли Раймелом больше семидесяти лет назад.

Экспедицию возглавлял[5 - Экспедицию возглавлял... – В основе моего описания экспедиции 1996 года – мои интервью с Джеймсом Линчем и членами его команды, а также информация из книги Леала «Полковник Фосетт».] сорокадвухлетний бразильский банкир Джеймс Линч. После того как один из журналистов упомянул в разговоре с ним об истории Фосетта, банкир прочел по этому вопросу все, что смог найти. Он узнал, что исчезновение полковника в 1925 году потрясло мир – «наряду с самыми знаменитыми случаями исчезновения людей, происходившими в наши дни», как отмечал один из комментаторов. На протяжении пяти месяцев Фосетт слал депеши, которые измятыми и перепачканными доставляли сквозь джунгли скороходы-индейцы и которые, точно по волшебству, в конце концов попадали на телеграфные ленты и перепечатывались практически на всех континентах; это был один из первых примеров глобального «новостного повода», и жители Африки, Азии, Европы, Австралии и Америки не отрываясь следили за одними и теми же событиями, происходящими в отдаленном уголке планеты. Эта экспедиция, как писали в одной из газет, «захватила воображение каждого ребенка, который когда-нибудь мечтал о неизведанных землях».

Потом сообщения перестали поступать. Линч вычитал: Фосетт заранее предупреждал, что может несколько месяцев не выходить на связь; но прошел год, потом другой, и любопытство публики все росло и росло. Может быть, Фосетта и двух юношей захватили в заложники индейцы? Может быть, они умерли от голода? Может быть, их зачаровал город Z и они решили не возвращаться? В утонченных гостиных и подпольных барах велись жаркие споры. На самом высоком правительственном уровне шел обмен телеграммами. Этим приключениям посвящались радиопостановки, романы (считается, что Ивлин Во написал свою «Пригоршню праха» под влиянием фосеттовской эпопеи), стихи, документальные и художественные фильмы, марки, детские сказки, книжки комиксов, баллады, театральные пьесы, музейные выставки. В 1933 году один писатель-путешественник воскликнул: «Вокруг этой темы родилось столько легенд, что они могли бы образовать отдельную ветвь фольклора». Фосетт заработал себе место в анналах всемирной истории путешествий – и не благодаря тому, что открыл, а из-за того, что утаил. Он клялся, что совершит

«великое открытие века», но вместо этого он породил «величайшую загадку, оставленную нам путешественниками двадцатого столетия».

Кроме того, Линч с изумлением узнал, что множество ученых, путешественников и искателей приключений пробирались в этот дикий край, полные решимости отыскать отряд Фосетта, живой или мертвый, и вернуться, принеся миру доказательства существования города Z. В феврале 1955 года «Нью-Йорк таймс» уверяла, что исчезновение Фосетта породило больше поисковых экспедиций, «чем за несколько веков отправлялись на поиски легендарной страны Эльдорадо». Некоторые поисковые партии погибли от голода и болезней; иные в отчаянии возвращались назад; иных убили туземцы. Были и такие, кто, уйдя искать Фосетта, тоже, как и он, растворился в лесах, которые путешественники еще давным-давно окрестили «зеленым адом». Поскольку многие такие искатели отправлялись в путь без особой помпы, нет достоверных статистических данных, показывающих, сколько из них погибло. По одной из недавних оценок, общее число жертв достигает ни много ни мало ста человек.

Казалось, что Линч устойчив к мечтаниям. Высокий, подтянутый, с синими глазами и бледной кожей, обгоравшей на солнце, он работал в «Чейз-банке» бразильского Сан-Паулу. Он был женат, у него имелось двое детей. Но в тридцать лет им овладело странное беспокойство, и он стал на целые дни исчезать в Амазонии, пешком пробираясь сквозь джунгли. Вскоре он принял участие в нескольких изнурительных соревнованиях путешественников: однажды он семьдесят два часа провел в походе без сна и пересек каньон, балансируя на протянутом над ним канате. «Суть в том, чтобы физически и духовно изнурить себя и посмотреть, как ты будешь себя вести в этих условиях, – замечал Линч, добавляя: – Некоторые могут сломаться, но для меня в этих занятиях всегда было что-то опьяняющее».

Линч был не просто искателем приключений. Его привлекали не только физические, но и интеллектуальные испытания, и он надеялся пролить свет на некоторые малоизученные стороны нашего мира, зачастую месяцами просиживая в библиотеке за изучением того или иного вопроса. Однажды он пробрался к истокам Амазонки и обнаружил там колонию меннонитов, живущую в боливийской пустыне. Но ему никогда не доводилось сталкиваться с историями, подобными эпопее полковника Фосетта.

Мало того что поисковые партии не сумели выяснить судьбу отряда Фосетта – в конце концов, каждое такое исчезновение само по себе становится

головоломкой, – но никто не сумел раскрыть и то, что Линч считал главной загадкой: тайну города Z. И в самом деле, Линч выяснил, что, в отличие от других пропавших путешественников (таких, как Амелия Эрхарт, исчезнувшая в 1937 году во время кругосветного полета), Фосетт сделал все для того, чтобы его маршрут было практически невозможно проследить. Он до такой степени держал его в секрете, что даже его жена Нина признавалась, что муж скрыл от нее существенные детали. Линч рылся в старых газетах с отчетами об экспедиции, но из них почти не удалось извлечь какие-то реальные ключи к разгадке. Затем он нашел потрепанный экземпляр «Неоконченного путешествия» – собрания некоторых заметок путешественника, отредактированных его оставшимся в живых сыном Брайаном и опубликованных в 1953 году. (На полке у Эрнеста Хемингуэя тоже имелось издание этой книги.) В «Путешествии», похоже, содержался один из немногих намеков на последний маршрут полковника. Там приводятся слова Фосетта: «Наш нынешний маршрут начнется от Лагеря мертвой лошади (11°43' южной широты и 54°35' западной долготы), где в 1921 году погибла моя лошадь». Хотя эти координаты были всего лишь отправной точкой, Линч занес их в свой GPS-навигатор, и тот выдал ему участок в южной части бассейна Амазонки, в Мату-Гросу (это название переводится как «густой лес») – бразильском штате, по площади превышающем Францию и Великобританию, вместе взятые. Чтобы добраться до Лагеря мертвой лошади, потребовалось бы пересечь едва ли не самые непроходимые амазонские джунгли; кроме того, пришлось бы проникнуть в области, находящиеся под контролем туземных племен, которые, укрывшись в чаще, яростно охраняют свою территорию.

Эта задача казалась невыполнимой. Но как-то раз, сидя на работе и изучая финансовые ведомости, Линч задал себе вопрос: а что, если Z действительно существует? Что, если в джунглях действительно таится подобное место? Даже в наши дни на этой территории, по оценкам бразильского правительства, обитает более шестидесяти индейских племен, никогда не контактировавших с внешним миром. «Эти леса... представляют собой едва ли не единственное место на Земле, где туземные племена способны выжить в полном отрыве от остального человечества», – писал Джон Хемминг, выдающийся историк, изучавший бразильских индейцев, бывший председатель Королевского географического общества.

Сидней Поссуэло, который не так давно возглавлял бразильское министерство, занимавшееся охраной индейских племен, сказал об этих туземных группах: «Никто в точности не знает, кто они, где они, сколько их и на каких языках они говорят». В 2006 году в Колумбии члены кочевого племени нукак-маку вышли из

дебрей Амазонии и заявили, что готовы влиться в цивилизованный мир, хотя они не знали, что Колумбия – это страна, и спрашивали, движутся ли самолеты над их головами по некой невидимой дороге.

Однажды ночью, мучаясь от бессонницы, Линч пошел в свой кабинет, забитый географическими картами и разного рода сувенирами из его предыдущих экспедиций. Среди бумаг, относящихся к Фосетту, он набрел на предупреждение, которое полковник некогда сделал своему сыну: «Если при всей моей опытности мы ничего не добьемся, едва ли другим посчастливится больше нас». Но эти слова не остановили Линча, они лишь подстегнули его. «Я должен идти», – сказал он жене.

Вскоре он подобрал себе партнера – Рене Дельмота, бразильского инженера, с которым он познакомился на одном из соревнований путешественников. Месяцами эти двое изучали спутниковые снимки Амазонии, вырабатывая и уточняя маршрут. Линч раздобыл самое лучшее снаряжение: джипы с турбодвигателями и покрышками, устойчивыми к проколам, рации, коротковолновые передатчики, электрогенераторы. Как и Фосетт, Линч обладал определенным опытом в проектировании кораблей, и вместе с профессиональным судостроителем он сконструировал две двадцатипятифутовые алюминиевые лодки, с достаточно небольшой осадкой, чтобы на них можно было плыть через болота. Кроме того, он собрал аптечку, где были десятки противоядий от змеиных укусов.

Свой отряд он формировал столь же тщательно. Он нанял двух механиков, которые могли бы в случае необходимости починить оборудование, а также двух водителей внедорожников, ветеранов своего дела. Он пригласил участвовать в экспедиции доктора Даниэля Муноса, известного антрополога-криминалиста, который в 1985 году помог идентифицировать останки нацистского преступника Йозефа Менгеле и который мог бы определить происхождение любого оставшегося от экспедиции Фосетта предмета, который они, возможно, найдут: пряжки ремня, обломка кости, пули.

Хотя Фосетт предупреждал, что большие экспедиции «рано или поздно оканчиваются печально», поисковая партия вскоре разрослась до шестнадцати человек. При этом с ними желал отправиться еще один человек – Джеймс, шестнадцатилетний сын Линча. Спортсмен, более мускулистый, чем отец, с каштановыми волосами и большими карими глазами, он ходил с отцом в одну из предыдущих экспедиций и зарекомендовал себя хорошо. Поэтому Линч, как и

Фосетт, согласился взять с собой сына.

Команда собралась в Куябе, столице штата Мату-Гросу, находящейся на южном краю бассейна Амазонки. Линч раздал всем футболки с придуманным им рисунком – следы, ведущие в джунгли. Английская «Дейли мейл» напечатала статью о предстоящей экспедиции под заголовком «Давняя загадка полковника Перси Фосетта вот-вот раскроется?». Много дней группа ехала по амазонскому бассейну, пробираясь неасфальтированными дорогами, испещренными колдобинами и поросшими кустарником. Лес делался все гуще, и юный Джеймс прильнул к окну машины. Протирая запотевшее стекло, он различал над головой густолиственные кроны деревьев, а когда они расступались, в лес лились широкие потоки солнечного света, и вдруг мелькали перед глазами желтые крылья бабочек и попугаев ара. Один раз он заметил шестифутовую змею, наполовину погруженную в грязную жижу, с глубоким провалом меж глаз. «Жарарака», – пояснил отец. Это была ямкоголовая змея, одна из самых ядовитых в Северной и Южной Америке. (От укуса жарараки у человека начинает сочиться кровь из глаз, и он, как замечает один биолог, «кусочек за кусочком превращается в труп».) Линч объехал змею, и грохот мотора заставил других животных, в том числе мартышек-ревунов, попрятаться на верхушки деревьев; похоже, рядом остались лишь москиты, они летели над машинами, точно часовые.

Несколько раз путешественники останавливались разбить лагерь и передохнуть, и наконец экспедиция поехала по дороге, ведущей к прогалине близ реки Шингу: там Линч надеялся сориентироваться с помощью своего навигационного прибора.

– Где мы? – поинтересовался один из его спутников.

Линч посмотрел на координаты, высветившиеся на экране.

– Мы не так далеко от того места, где в последний раз видели Фосетта, – ответил он.

Сеть ползучих растений и лиан опутывала тропы, расходящиеся от прогалины, и Линч решил, что дальше экспедиции придется двигаться на лодке. Он велел нескольким членам отряда отправиться назад с самым тяжелым снаряжением: когда он найдет место, где сможет приземлиться легкий самолет, он сообщит

координаты по радиации, чтобы оборудование доставили туда по воздуху.

Оставшиеся члены отряда, в том числе и Линч-младший, столкнули в воду две лодки и начали свое путешествие вниз по реке Шингу. Течение быстро несло их мимо колючих папоротников и пальм бурити, мимо растений ползучих и растений миртовых, – бесконечного переплетения, поднимавшегося по обе стороны от них. Незадолго до захода солнца Линч вел лодку по очередной излучине, когда ему показалось, будто он заметил что-то на далеком берегу. Он приподнял край шляпы. В просвете между ветвями он увидел несколько пар глядящих на него глаз. Он приказал своим людям заглушить моторы; никто не издавал ни звука. Лодки вынесло на берег, днища заскребли по песку, и Линч вместе со своими спутниками выпрыгнул на берег. И в этот же момент из леса появились индейцы – обнаженные, с яркими перьями попугаев в ушах. Спустя какое-то время вперед выступил мощный мужчина, глаза у него были обведены черной краской. По словам тех индейцев, которые говорили на ломаном португальском и стали выполнять роль переводчиков, это был вождь племени куйкуро. Линч попросил своих людей достать подарки, среди которых были бисерные украшения, сладости и спички. Вождь, кажется, был настроен гостеприимно; он дал экспедиции позволение разбить лагерь возле деревни куйкуро и посадить винтовой самолет на близлежащей поляне.

Пытаясь заснуть в эту ночь, Линч-младший думал: может быть, Джек Фосетт тоже когда-то лежал в похожем месте и видел такие же фантастические вещи. Наутро его разбудило восходящее солнце, и он сунул голову в отцовскую палатку. «С днем рождения, папа», – произнес он. Линч забыл, что этот день – сегодня. Ему исполнилось сорок два.

В этот же день несколько куйкуро пригласили Линча и его сына искупаться в ближайшем пруду – вместе со стофунтовыми черепахами. Линч слышал, как приземляется самолет, доставивший остальных членов отряда и оборудование. Участники похода наконец собрались вместе.

И тут они увидели индейца, бегущего к ним по тропинке и выкрикивающего что-то на своем наречии. Куйкуро мигом выскочили из воды.

– В чем дело? – спросил Линч по-португальски.

– Беда, – ответил один из куйкуро.

Индейцы побежали к своей деревне, и Линч с сыном последовали за ними; ветки деревьев хлестали их по лицу. Когда они добрались до деревни, их встретил один из членов отряда.

– Что тут творится? – осведомился у него Линч.

– Они окружают наш лагерь.

Линч увидел, как к ним ринулись больше двух десятков индейцев – вероятно, из соседних племен. Эти туземцы тоже слышали звук самолета. У многих голые тела были все в полосах красной и черной краски. Они несли с собой луки с шестифутовыми стрелами, копья и старинные винтовки. Пять членов отряда Линча кинулись к самолету. Пилот еще сидел в своем кресле, и пятеро прыгнули в кабину, хотя она была рассчитана всего на четырех пассажиров. Они закричали пилоту, чтобы тот взлетал, однако он, похоже, не понимал, что происходит. Но тут он посмотрел в окно и увидел, как к нему несутся несколько индейцев, наводя на него луки. Когда летчик запустил двигатель, индейцы уцепились за крылья, пытаясь не дать самолету оторваться от земли. Пилот, опасаясь, что машина станет слишком тяжелой, выбросил из окна все, что смог: одежду и бумаги, которые закружились на ветру, поднятом винтами. Самолет загромыхал по импровизированной взлетной полосе, подпрыгивая, ревя, маневрируя между деревьями. За считанные секунды до того, как шасси оторвалось от земли, последний из индейцев разжал руки.

Линч смотрел, как самолет исчезает в небе. Банкира овеивала красная пыль, которую машина подняла при взлете. Молодой индеец, тело которого было полностью покрыто краской и который, по-видимому, возглавлял нападение, направился к Линчу, размахивая бордуной – четырехфутовой дубинкой, какими здешние воины пользовались, чтобы размозжить голову тому или иному врагу. Он загнал Линча и одиннадцать оставшихся участников экспедиции в маленькие лодчонки.

– Куда вы нас везете? – спросил Линч.

– Вы наши пленники до конца жизни, – ответил юноша.

Молодой Джеймс пощупал крест, висящий на шее. Линч полагал, что настоящее приключение начинается, лишь когда, по его выражению, «случается какая-

нибудь пакость». Но такого он совершенно не ожидал. У него не было плана обороны, не было нужного опыта. У него даже не было с собой оружия.

Он сжал руку сына.

– Что бы ни происходило, – шепнул ему Линч, – ничего не делай, пока я тебе не скажу.

Лодки свернули с главного русла реки и устремились вниз по узкому протоку. Пока они плыли вглубь джунглей, Линч обозревал окружающее: в кристально прозрачной воде кишели радужных цветов рыбки, а растительность на берегах становилась все гуще и гуще. Он подумал, что это самое прекрасное место из всех, что он видел в своей жизни.

Глава 3

Поиски начинаются

Считается, что на поиски приключений нас зовет романтика. Но я и сейчас не могу вспомнить ничего романтического.

Давайте расставим точки над «і». Я не путешественник и не искатель приключений. Не альпинист и не охотник. Меня и ночевки-то в палатке не слишком прельщают. Во мне меньше пяти футов девяти дюймов, мне почти сорок, я широковат в талии, а волосы мои редют. Я страдаю кератоконусом, то есть куриной слепотой – глазной болезнью, мешающей хорошо видеть ночью. У меня топографический кретинизм, в метро я то и дело забываю, где нахожусь, и пропускаю свою станцию в Бруклине. Я люблю газеты, готовую еду с доставкой на дом, спортивные хиты (записанные системой Ти-Во[8 - Система, позволяющая вести цифровую запись с телевизора и обмениваться такими записями.]) и кондиционер, выкрученный на максимум. Каждый день, возвращаясь домой, я оказываюсь перед выбором: преодолеть два лестничных марша пешком или воспользоваться лифтом – и неизменно выбираю лифт.

Но когда я работаю над тем или иным материалом, все меняется. С юных лет меня привлекали истории о тайнах и приключениях – те, что «хватают и не отпускают», как выражался по этому поводу Райдер Хаггард. Насколько я помню, героем самых первых подобных рассказов был мой дедушка Моня. Ему уже перевалило за семьдесят, и он страдал болезнью Паркинсона. Бывало, он сидел, весь трясась, на крылечке нашего дома в Вестпорте, штат Коннектикут, и безучастно глядел на горизонт. А в это время моя бабушка вспоминала о его приключениях. По ее словам, некогда он был в России меховщиком и сотрудничал как фотограф с журналом «Нэшнл джиографик»: в двадцатых годах он стал одним из немногих пришельцев с Запада, которым позволили объехать с камерой самые разные области Китая и Тибета. (Некоторые наши родственники подозревают, что он был шпионом, однако мы так и не смогли найти ни единого доказательства этой версии.) Бабушка вспоминала, как незадолго до их свадьбы Моня отправился в Индию, чтобы закупить там какие-то ценные меха. Проходили недели, а от него не было никаких вестей. Наконец по почте прибыл измятый конверт. В нем была лишь размытая фотография: бледная и какая-то искривленная фигура Мони, мучимого малярией, распростерта под москитной сеткой. В конце концов он вернулся, но, так как он все еще продолжал поправляться после болезни, свадьбу пришлось сыграть в больнице. «Тогда-то я поняла, что вляпалась», – замечала бабушка. Она рассказывала мне, что позже Моня стал профессиональным мотогонщиком, а когда я скептически косился на нее, она разворачивала носовой платок, демонстрируя одну из его золотых медалей. Однажды, добывая меха в Афганистане, он ехал через перевал Хибер на мотоцикле, с другом, размещавшимся в коляске, и тут у него отказали тормоза. «Мотоцикл завертелся, твой дедушка потерял управление и уже попрощался со своим другом, – вспоминала бабушка. – Но тут Моня заметил рабочих, которые чинили дорогу, а рядом с ними был большой холм грязи, и он поехал прямо на него. Дедушку и его друга катапультировало прямо в грязь. Они сломали несколько костей, только и всего. И уж конечно, это не остановило твоего дедушку, и он продолжал гонять на мотоцикле».

Для меня удивительнее всего в этих приключениях был их главный герой. Я застал дедушку уже стариком, с трудом таскавшим ноги. Чем больше мне о нем рассказывала бабушка, тем с большей жадностью я тянулся к подробностям, которые могли бы помочь мне понять его; однако было в нем нечто, ускользавшее даже от бабушки. «Моня – это Моня», – бывало, говорила она, махнув рукой.

Когда я стал журналистом, меня всегда привлекали сюжеты, которые «хватают и не отпускают». В девяностые годы я работал корреспондентом при Конгрессе, однако продолжал при этом от случая к случаю расследовать истории о мошенниках, мафиози и шпионах. Большинство моих статей казались не связанными друг с другом, но их, как правило, объединяла одна тема: страсть. Они были посвящены обыкновенным людям, которых так и тянет заниматься непривычными вещами, на какие большинство из нас никогда бы не отважилось, – людям, у которых в голове заводится зародыш некой идеи, и потом, развиваясь и давая метастазы, эта опухоль пожирает их целиком.

Мне всегда казалось, что мой интерес к таким людям – чисто профессиональный: они дают самый выигрышный и эффектный материал. Но иногда я задумываюсь: а может, я больше похож на них, чем мне хочется верить? Репортерское дело – тоже своего рода нескончаемое приключение, когда ты вынюхиваешь подробности в надежде обнаружить некую сокрытую истину. К большому огорчению моей жены, когда я работаю над материалом, я перестаю видеть все остальное. Я забываю оплачивать счета и бриться. Я не переодеваюсь с должной частотой. Я даже иногда иду на риск, на какой в ином случае никогда бы не отважился: проползаю сотни футов под улицами Манхэттена вместе с диггерами, которых именуют туннельщиками, или во время страшного шторма плыву на ялике вместе с охотником на гигантских кальмаров. Когда я вернулся из этого плавания, мать заметила: «Знаешь, ты напоминаешь мне твоего дедушку».

В 2004 году, занимаясь журналистским расследованием загадочной смерти специалиста по Конан Дойлу и Шерлоку Холмсу, я случайно наткнулся на упоминание о Фосетте в качестве вдохновителя «Затерянного мира». Когда я прочел о путешественнике больше, меня заинтриговала фантастическая идея города Z: мысль о том, что в Амазонии могла существовать высокоразвитая цивилизация с великолепной архитектурой. До этого я, как и, подозреваю, многие, полагал, что по бассейну Амазонки рассеяны племена, живущие в каменном веке, – воззрение, вынесенное нами не только из приключенческих книжек и голливудских фильмов, но и из школьных учебников.

Защитники окружающей среды часто изображают Амазонию «девственным лесом», до недавнего времени практически не оскверненным прикосновениями человеческих рук, – до вторжения лесорубов и всяких непрошенных пришельцев, проходивших через эти места. Более того, многие археологи и географы[6 - ...многие археологи и географы... – Более подробное обсуждение научных

дискуссий о проблеме развитых цивилизаций Амазонии см. в работе Манна «1491».] утверждают, что природные условия Амазонии, как и Арктики, сделали невозможным возникновение густонаселенных групп, необходимых для формирования развитого общества, с разделением труда и системой властной иерархии, как в племенах под руководством вождя или королевствах. Бетти Меггерс из Смитсоновского института – вероятно, самый уважаемый из современных археологов, занимающихся Амазонией. В 1971 году она живописала этот регион как «поддельный рай», место, которое – из-за всей своей фауны и флоры – неблагоприятно для жизни человека. Дожди и наводнения, а также безжалостное солнце вымывают и выжигают из почвы важнейшие питательные вещества, делая невозможным масштабное земледелие. В таких суровых условиях, считает Меггерс и многие ее коллеги, могут выжить лишь небольшие кочевые племена. Как указывает Меггерс, поскольку почва дает так мало питательных веществ, то, даже когда местным племенам удавалось преодолеть убыль населения от голода и болезней, им все равно приходилось изобретать так называемые культурные суррогаты для контроля собственной численности – в том числе и убивать своих же сородичей. В некоторых племенах практиковалось детоубийство, некоторые бросали своих больных в лесу или широко предавались кровной мести и войнам. В семидесятые годы Клаудио Вильяс Боас, один из самых известных защитников амазонских индейцев, сказал корреспонденту: «Это джунгли, и убить ребенка-калеку или бросить одинокого мужчину может оказаться необходимым для выживания племени. Нас потрясает это лишь сейчас, когда джунгли исчезают и их законы теряют свое значение».

Как отмечает Чарльз Манн в своей книге «1491», антрополог Аллан Р. Холмберг способствовал в свое время формированию как дилетантского, так и научного взгляда, согласно которому амазонские индейцы – это первобытные люди. Исследовав членов боливийского племени сирiono в начале сороковых годов, Холмберг описал их как едва ли не «самый отсталый народ в мире» – общество, которое настолько поглощено поиском пищи, что в нем не сложилось ни искусства, ни религии, оно не научилось шить одежду, приручать животных, строить надежные жилища, торговать, прокладывать дороги и даже считать дальше чем до трех. «Они не измеряют время, – отмечает Холмберг, – и у них не существует никакого календаря». У сирiono нет даже «понятия о романтической любви». Они, заключает он, являют собой «человека в его изначальном природном состоянии». По мнению Меггерс, одна более развитая цивилизация некогда мигрировала с Анд на остров Маражо, но лишь для того, чтобы постепенно прийти в упадок и угаснуть. Короче говоря, для цивилизаций Амазония всегда была смертельной ловушкой.

Занимаясь Z, я обнаружил, что одна группа неординарно мыслящих антропологов и археологов все больше подвергала сомнению эти укоренившиеся воззрения, веря, что в Амазонии все-таки могла возникнуть высокоразвитая цивилизация. По сути, они утверждали, что традиционалисты недооценили способность обществ и культур преобразовывать природную среду, в которой обитают, и преодолевать ее – во многом так же, как сейчас люди создают космические станции или выращивают зерновые в израильской пустыне. Некоторые заявляют, что в идеях этих традиционалистов чувствуются следы расистского отношения к коренным американцам, некогда пропитавшего собой более ранние теории вымирания цивилизаций, основанные на экологическом детерминизме. В свою очередь, традиционалисты называют этих ревизионистов оголтелыми адептами политкорректности, долго и упорно пытающимися проецировать на Амазонию некий вымышленный ландшафт, фантазию, порожденную западным сознанием. Ставка в этих спорах – фундаментальное понимание человеческой природы и древнего мира, – этот-то извечный антагонизм и разделил ученых, яростно сражающихся друг против друга. Когда я позвонил Меггерс в Смитсоновский институт, она решительно отвергла возможность того, что кто-нибудь может открыть в Амазонии исчезнувшую цивилизацию. Она заметила, что слишком уж много археологов «все еще охотятся за Эльдорадо».

В частности, один видный археолог из Флоридского университета спорит с устоявшимся представлением об Амазонии как о поддельном рае. Его зовут Майкл Хекенбергер, и работает он в районе Шингу – там, где, как считается, в свое время пропал Фосетт. Несколько антропологов рекомендовали мне его как человека, с которым мне надо непременно поговорить, но предупредили, что он редко вылезает из джунглей и избегает всего, что отвлекает от работы. Джеймс Петерсен, возглавлявший в 2005 году факультет антропологии Вермонтского университета и преподававший у Хекенбергера, сообщил мне: «Майк – блестящий специалист, он всегда на переднем крае амазонской археологии, но, боюсь, вам из него ничего не выудить. Знаете, он был шафером у меня на свадьбе, но даже я никак не могу добиться от него ответа на мои запросы».

С помощью сотрудников Флоридского университета мне в конце концов удалось дозвониться на спутниковый телефон Хекенбергера. Сквозь треск помех и звуки, напоминавшие шум джунглей, он сказал, что собирается пожить в деревне куйкуро близ реки Шингу, и, к моему удивлению, добавил, что готов встретиться там со мной, если только я сумею так далеко забраться. Лишь позже я стал составлять вместе кусочки истории Z и понял, что он говорил о том самом месте,

где были похищены Джеймс Линч и его спутники.

– Ты поедешь на Амазонку искать человека, который пропал двести лет назад? – спросила моя жена Кира. Был январь 2005 года, мы были на кухне в нашей квартире, и она раскладывала по тарелкам холодную лапшу с кунжутом, доставленную из ресторана «Хунань делает».

– Это было всего-навсего восемьдесят лет назад.

– Значит, ты хочешь найти того, кто исчез восемьдесят лет назад?

– Если коротко, то да.

– А откуда ты вообще знаешь, где искать?

– Этот пункт я пока до конца не прояснил.

Моя жена, продюсер «Шестидесяти минут»[9 - Новостной тележурнал. Выпускается компанией Си-би-эс с 1968 г.] и человек необычайного благоразумия, поставила тарелки на стол, ожидая, пока я продолжу.

– Не то чтобы я был первый, кто туда идет, – добавил я. – Это уже делали сотни людей.

– И что с ними случилось?

Я съел немного лапши и, колебавшись, ответил:

– Многие исчезли.

Она долго смотрела на меня и наконец сказала:

– Надеюсь, ты понимаешь, что делаешь.

Я обещал ей, что не кинусь очертя голову в окрестности Шингу – по крайней мере, пока не пойму, откуда начинать путь. Большинство современных экспедиций полагались на координаты Лагеря мертвой лошади, упомянутые в «Неоконченном путешествии», но, если учесть изощренную скрытность полковника, странно было бы ожидать, что этот лагерь окажется легко найти. Фосетт вел подробнейшие заметки о своих походах, однако самые важные его бумаги, как полагают, либо утрачены, либо держатся в секрете его родными. Впрочем, кое-что из переписки Фосетта и дневников, которые вели участники его экспедиций, в конце концов обнаружилось в британских архивах. Поэтому, прежде чем ринуться в джунгли, я отправился в Англию, дабы понять, смогу ли я больше узнать о ревностно хранимой тайне маршрута Фосетта и о том человеке, который в 1925 году, судя по всему, исчез с лица Земли.

Глава 4

Погребенное сокровище

Перси Гаррисон Фосетт редко когда так ощущал полноту жизни – если вообще ощущал когда-либо. Шел 1888 год, и двадцатидвухлетний Фосетт был лейтенантом королевской артиллерии. Он служил в гарнизоне на острове Цейлон, который был тогда британской колонией. Только что лейтенант получил месячный отпуск и по этому поводу вырядился в новенькую белую форму с золотыми пуговицами и в закрепленный под подбородком тропический шлем. Но даже с винтовкой и саблей он выглядел мальчишкой – самым зеленым из всех молодых офицеров, как он сам говорил.

Он вошел в свое бунгало в форте Фредерик, откуда открывался вид на сияюще-голубую гавань Тринкомали. Фосетт, заядлый собачник, делил свою комнату с семьей фокстерьерами, которые в те дни часто сопровождали офицеров на поле боя. Он стал рыться среди местных сувениров, которыми было набито его жилище: ему хотелось найти одно письмо, которое он где-то спрятал. И вот оно перед ним. На конверте – странные значки-завитушки, нацарапанные сепиевыми чернилами. Фосетт получил эту записку от одного из колониальных чиновников, которому, в свою очередь, дал ее один из деревенских старост, чтобы отплатить за какое-то благодеяние. Как позже отметит Фосетт в своем дневнике, к таинственному тексту было приложено пояснение, написанное по-английски,

где сообщалось, что в городе Бадулла, в глубине острова, лежит равнина, один край которой покрыт камнями. На сингальском это место часто именовали Галла-пита-Галла – «Камень на камне». Далее в послании говорилось:

Под этими камнями – пещера, когда-то в нее легко было попасть, но сейчас к ней трудно подобраться, потому что вход завален большими валунами, рядом вырос густой лес и высокая трава. Иногда там замечают леопардов. В этой пещере – сокровище... [состоящее из] нешлифованных драгоценных камней и золота – богатство большее, чем у многих царей.

Хотя Цейлон (ныне – Шри-Ланка) славился как «ювелирная шкатулка Индийского океана», колониальный чиновник отнесся к этой необычной истории без особого доверия и передал документы Фосетту, которого, как ему казалось, они могли бы заинтересовать. Фосетт понятия не имел, что с ними делать: возможно, это были просто выдумки. Однако, в отличие от большинства офицеров-аристократов, он нуждался в деньгах. «Я был неимущий лейтенант артиллерии, – писал он, – и мысль о сокровище была для меня слишком притягательна, чтобы ее отвергнуть». Кроме того, для него это был шанс удрать из лагеря с его белой «правлящей кастой», представлявшей высший класс тогдашнего английского общества: это аристократическое общество, многое таившее под тонкой пленкой светской респектабельности, всегда внушало Фосетту почти диккенсовский ужас.

Его отец, капитан Эдвард Бойд Фосетт, викторианский аристократ, входил в круг приближенных принца Уэльского и был одним из величайших крикетных отбивающих в империи. Но уже в молодости он спился – его прозвали Блямба, потому что нос у него распух от крепких напитков, – и в придачу к неводержанности он еще и промотал фамильное состояние. Много лет спустя один из родственников, изо всех сил пытаясь представить его в наилучшем свете, писал, что капитан Фосетт «обладал блестящими способностями, которые не нашли достойного применения: это был хороший человек, пошедший по дурной дорожке... Стипендиат Бэллиола[10 - Один из старейших колледжей Оксфорда.], прекрасный спортсмен... яхтсмен, кладезь обаяния и ума, конюший принца Уэльского (который позже унаследует трон королевы Виктории под именем Эдуард VII), он растратил два значительных состояния на любовные интрижки, пренебрегая женой и детьми... и в результате своих беспутств и пристрастия к спиртному он умер в возрасте сорока пяти лет».

Мать Перси, Мира Элизабет, едва ли могла служить хорошим убежищем от этого «буйного» окружения. «Ее несчастливое замужество принесло ей много горечи и разочарования, склоняя ее к капризам и несправедливостям, особенно по отношению к собственным детям», – пишет упомянутый член семьи. Позже Перси признался Конан Дойлу, с которым переписывался, что его мать была почти «омерзительна». Тем не менее Перси пытался защитить ее репутацию, так же как и репутацию своего отца, позволяя себе в «Неоконченном путешествии» лишь туманные намеки: «Может быть, к лучшему послужило то, что в детские годы... я не знал родительской ласки и был всецело предоставлен самому себе».

На остатки средств родители Фосетта отправляли мальчика в привилегированные закрытые частные школы, в том числе в Вестминстер; эти заведения были печально известны жестокими методами преподавания и воспитания. Хотя Фосетт настаивает: розги «ничего не прибавили к моим взглядам на жизнь», он все же вынужден был приспособиться к викторианскому представлению об образцовом джентльмене[7 - ...к викторианскому представлению об образцовом джентльмене. – Подробности, касающиеся викторианских обычаев и этики, см. в руководстве 1865 года «Обыкновения хорошего общества», в книге Кэмпбелла «Этикет хорошего общества» и книге Бристоу «Порок и бдительность»]. Одежду считали верным отражением характера, и он часто носил черный сюртук и жилет, а по торжественным случаям – фрак и цилиндр. Перчатки должны быть безукоризненными: их приводили в порядок с помощью специальных растяжек и машинок, наносивших особый порошок, и это считалось столь важным для джентльмена, что некоторые меняли их шесть раз на дню. Через много лет Фосетт жаловался, что «с безрадостных дней учебы в Вестминстерской школе» в нем «навсегда остался ужас перед этими видами одежды».

Склонный к отшельничеству, воинственный и сверхчувствительный, Фосетт вынужден был научиться вести светские беседы о произведениях искусства (при этом не похваляясь своими знаниями), вальсировать, кружась только в правую сторону, и вести себя абсолютно безупречно в присутствии представительниц противоположного пола. Викторианское общество, опасавшееся, что индустриализация разрушает христианские ценности, было помешано на обуздании плотских инстинктов. Велись настоящие войны против двусмысленной литературы и «мастурбационного недуга», и брошюры о воздержании, распространявшиеся в сельской местности, призывали матерей «внимательно следить за тем, что творится в полях, предназначенных для сенокоса». Доктора рекомендовали родителям надевать детям «шипастые кольца на пенис» для сдерживания неконтролируемых позывов. Такое рвение

наложило отпечаток и на взгляды Фосетта: в каком-то смысле он воспринимал жизнь как нескончаемую битву против сил природы, окружающих его. В своих зрелых произведениях он предупреждал о «жажде чувственного возбуждения» и «пороках и желаниях», которые очень часто «таятся в человеке».

Однако понятие джентльмена не сводилось к соблюдению приличий. От Фосетта ожидали, что он станет, как писал один историк о викторианском джентльмене, «природным вожаком... бесстрашным в бою». Спорт считался оптимальной подготовкой для молодых людей, которым вскоре предстояло доказать свою отвагу на далеких полях сражений. Фосетт, как и отец, стал первоклассным игроком в крикет. В местной газете часто превозносили его «блистательную» игру. Высокий и подтянутый, с великолепной координацией «рука – глаз», он был прирожденным спортсменом, однако зрители отмечали в его стиле игры почти маниакальную целеустремленность. По словам одного из них, Фосетт неизменно демонстрировал боулерам, что «нужны усилия более чем обыкновенные, чтобы сбить его, когда он нацелился на удар». Когда он взялся за регби и бокс, он и там демонстрировал такое же яростное упорство; на одном из регбийных матчей он прорубился сквозь соперников, несмотря на то что ему выбили передние зубы.

Всегда необычайно жесткий, Фосетт поневоле стал еще жестче, когда его в семнадцатилетнем возрасте направили в Королевскую военную академию в Вулвиче – «Лавочку», как ее называли. Хотя у Фосетта не было никакого желания становиться солдатом, его мать, по всей видимости, заставила его это сделать, потому что ей нравилась красивая форма. Холодная атмосфера «Лавочки» пришла на смену холодной атмосфере его дома. Салаги – молодые кадеты вроде Фосетта – часами подвергались муштре, а если они нарушали кодекс кадета-джентльмена, их секли. Кадеты постарше часто заставляли молодых «становиться на часы», то есть в холодную погоду на несколько часов высовывать голые руки и ноги в открытое окно. Иногда салаге могли велеть встать на два стула, водруженные один на другой и поставленные на стол, после чего ножки нижнего стула выбивали из-под бедняги. А бывало, прижигали им кожу раскаленной кочергой. «Часто придумывали весьма изобретательные формы пыток, иной раз достойные самых диких народов», – утверждает историк, описывающий нравы, которые царили в этой военной академии.

Фосетт окончил это заведение почти два года спустя, и к тому времени он научился, по выражению его современника, «рассматривать смертельный риск в качестве самой пикантной приправы к жизни». И что еще важнее, его готовили

выполнять роль апостола западной цивилизации – шагать все вперед и вперед, обращая мир в христианство и капитализм, преобразуя пастбища в плантации, а хижины – в гостиницы, знакомя живущих в каменном веке с чудесами вроде парового двигателя или локомотива и гарантируя, что над Британской империей никогда не зайдет солнце.

И вот Фосетт ускользнул со своей оторванной от внешнего мира военной базы на Цейлоне. В руках он держал карту, на которой было отмечено сокровище. Только теперь, внезапно, он осознал, что находится среди пышно зеленеющих лесов, чистейших пляжей и гор, что люди здесь носят не виданные им прежде цвета – не похоронные черно-белые одеяния, как в Лондоне, а лиловые, желтые и алые, – и все вокруг сияет, искрится и пульсирует, являя собой зрелище столь ошеломляющее, что даже записной циник Марк Твен, посетивший остров как раз примерно в это время, воскликнул: «Бог ты мой, какая красота!»

Фосетт, не убоявшись качки, отправился в плавание на тесном суденышке, которое по сравнению с британскими боевыми кораблями казалось лишь кусочком дерева с клочком брезента. Лодка покинула залив, и он увидел форт Фредерик, высящийся на скале, с внешней стеной, испещренной пушечными бойницами конца XVIII века, когда британцы пытались отвоевать этот мыс у голландцев, которые перед этим отвоевали его у португальцев. Проплыв около восьмидесяти миль на юг, вдоль восточного побережья острова, судно причалило в порту Баттикалоа, где челноки крутились вокруг входящих в порт кораблей. Сингальские торговцы, перекрикивая плеск весел, предлагали драгоценные камни, особенно сахибу в цилиндре и с часовой цепочкой на жилете: наверняка его карманы набиты фунтами стерлингов. После высадки на берег Фосетт оказался окружен новыми торговцами – сингальцы, тамилы, мусульмане толпились на базаре со своим товаром, высматривая покупателей. Воздух был пропитан ароматом высушенных чайных листьев, сладким запахом ванили и какао; тянуло и кое-чем более резким – сушеной рыбой, но без обычной морской прогорклости, ведь здесь ее щедро сдабривали карри. И повсюду кишели люди – астрологи, разносчики, мужчины-прачки, продавцы неочищенного пальмового сахара, золотых дел мастера, музыканты, играющие на тамтамах, бродяги. Чтобы добраться до Бадуллы, расположенной в глубине острова, в сотне миль отсюда, Фосетт нанял повозку, которая скрипела и стонала, пока возница охаживал кнутом бока вола, заставляя животное взбираться вверх по горной дороге мимо рисовых полей и чайных плантаций. В Бадулле Фосетт спросил у британца, владельца одной из плантаций, не слышал

ли он о таком месте – Галла-пита-Галла.

– Боюсь, я ничего вам не смогу сказать, – вспоминал Фосетт его слова. – Там, наверху, есть какие-то развалины, тут их называют «Королевской купальней», а значит, там когда-то мог быть танк [резервуар] или еще что-нибудь такое, что же до камней, то тут, черт возьми, одни сплошные камни!

Он рекомендовал Фосетту поговорить с местным старостой по имени Джумна Дас – потомком кандианских королей, правивших страной до 1815 года.

– Если кто и может вам рассказать, где Галла-пита-Галла, так это он, – заключил англичанин.

В тот же вечер Фосетт отыскал Джумну Даса, высокого старика с изящной седой бородкой. Дас объяснил, что, по слухам, где-то в этом краю закопаны сокровища кандианских королей. Нет никаких сомнений, продолжал Дас, что вокруг подножия холмов к юго-западу от Бадуллы есть какие-то древние развалины и геологические отложения – возможно, как раз возле Галла-пита-Галла.

Фосетт не в состоянии был установить точное местонахождение клада, но мысль о драгоценностях все еще грела ему душу. «Что приятнее для гончей – охотиться на добычу или убивать ее?» – вопрошал он. Позже он снова отправился в путь, захватив с собой карту. На сей раз с помощью специально нанятых рабочих он обнаружил место, которое напоминало пещеру, описанную в послании. Несколько часов рабочие копали, вокруг них росли земляные курганы, однако нашли они лишь глиняные черепки да белую кобру, при виде которой землекопы в ужасе разбежались.

Несмотря на неудачу, Фосетт по достоинству оценил выпавшую возможность уйти от привычных представлений. «Цейлон – страна очень старая, а древние народы обладали большей мудростью, чем нам сейчас кажется», – сказал Дас Фосетту.

В эту же весну, с неохотой вернувшись в форт Фредерик, Фосетт узнал, что Цейлон намерен посетить эрцгерцог Франц-Фердинанд, племянник императора Австро-Венгрии. В честь Фердинанда устроили грандиозный вечер, на который явились многие представители местной правящей элиты, в том числе и Фосетт. Мужчины надели длинные черные фраки с белыми шелковыми галстуками, дамы

же были в пышных юбках и с трудом дышали – настолько туго у них были затянуты корсеты. Фосетт, который наверняка был в своем самом парадном наряде, производил впечатление своей властью и обаянием.

«Он явно вызывал в женщинах восхищение», – отмечал один из его родственников, а на каком-то благотворительном мероприятии репортер обратил внимание, что «дамы подчиняются ему[8 - ...дамы подчиняются ему... – Из газетной статьи в альбоме вырезок Фосетта, семейный архив Фосеттов.], точно королю». Фосетт не встретился с Фердинандом, зато заметил кое-кого попривлекательнее – девушку на вид не старше семнадцати-восемнадцати лет, с бледной кожей и длинными каштановыми волосами, зачесанными вверх и заколотыми на затылке. Такая прическа подчеркивала тонкие черты ее лица. Звали ее Нина Агнес Патерсон, она была дочерью колониального судьи.

Хотя Фосетт никогда не признавал этого, он наверняка ощутил тогда какие-то из тех желаний, которые так его ужасали. (Среди своих бумаг он хранил предупреждение гадалки: «Самые большие твои несчастья – от женщин, которых сильно к тебе влечет, и тебя к ним сильно влечет, хотя они чаще приносят тебе печаль и бесчисленные бедствия, чем что-нибудь другое».) Принятые в обществе традиции не позволяли ему самому подойти к Нине и пригласить ее на танец, поэтому он вынужден был найти кого-нибудь, кто бы официально представил его, что он и сделал.

При всей своей жизнерадостности и порывистости Нина была весьма образованной девушкой. Она говорила по-немецки и по-французски, изучала географию, религиоведение и Шекспира. Кроме того, ей, совсем как Фосетту, были присущи стойкость (она выступала в защиту прав женщин) и независимость интересов (ей нравилось исследовать остров и читать буддийские тексты).

На другой день Фосетт написал матери, дабы сообщить ей, что он встретил идеальную женщину, «ту единственную, на ком я хочу жениться». Нина жила со своей семьей на противоположном конце острова, в Галле, в большом доме, полном слуг, и в процессе ухаживания Фосетт совершал туда паломничества. Вскоре он начал звать ее Злючкой (как заметил один из родственников, «за ней всегда должно было оставаться последнее слово»), а она, в свою очередь, называла его Песиком – из-за его цепкости и упорства. «Я была так счастлива, я могла лишь восхищаться характером Перси – он был такой строгий, серьезный и щедрый мужчина», – позже расскажет Нина репортеру.

29 октября 1890-го, спустя два года после их знакомства, Фосетт сделал предложение. «Моя жизнь не имела бы смысла без тебя», – сказал он ей. Нина сразу же дала согласие, и ее семья устроила по этому поводу праздничный вечер. Однако, по словам некоторых родственников, нашлись члены семейства Фосетт, противившиеся этой помолвке и лгавшие Фосетту, уверяя его, что он ошибается, считая Нину леди в истинном смысле слова, – иными словами, намекая, что она не девственница. Не совсем ясно, почему его семья возражала против этой свадьбы и пускала в ход такое обвинение, но, по-видимому, главным вдохновителем этих козней стала мать Фосетта. Много лет спустя Фосетт подчеркнет в письме Конан Дойлу, что его мать была «глупой старухой, и притом уродливой старухой, вот почему она так ненавидела» Нину – и что ей «было за что мстить». Тем не менее в то время ярость Фосетта обратилась не на мать, а на Нину. Он написал ей письмо, где утверждал: «Вы – не та чистая юная девушка, которой я вас считал». Затем он разорвал помолвку.

Несколько лет они не поддерживали друг с другом никаких отношений. Фосетт оставался в форте, откуда ему была видна водруженная высоко на скале колонна, посвященная памяти голландской девушки, которая в 1687 году, после того как ее оставил жених, прыгнула отсюда в пропасть и разбилась насмерть. Между тем Нина вернулась в Великобританию. «Мне понадобилось много времени, чтобы оправиться от этого удара», – позже рассказывала она репортеру, утаивая при этом истинную причину решения Фосетта. В конце концов она встретила армейского капитана Герберта Кристи Причарда, который либо был в неведении относительно возводимого на нее обвинения, либо не хотел выдавать ее. Летом 1897 года они поженились. Но пять месяцев спустя он умер от церебральной эмболии. Как выразилась Нина, «судьба уже во второй раз жестоко обрушилась на меня». За считанные минуты до смерти Причард твердил ей: «Иди... и выходи за Фосетта! Вот настоящий муж для тебя». К тому времени Фосетт уже обнаружил, что его семья прибегла к обману, и, по словам одной его родственницы, писал Нине, «умоляя принять его обратно».

«Я думала, что во мне уже не осталось к нему любви, – признавалась Нина. – Думала, что он своим жестоким поведением давно убил ту страсть, которую я к нему питала». Но когда они встретились снова, она не могла найти в себе силы оттолкнуть его: «Мы посмотрели друг на друга, и счастье захлестнуло нас, на сей раз – неодолимое. Мы снова обрели друг друга!»

31 января 1901 года, через девять дней после того, как умерла королева Виктория и завершилось длившееся почти шестьдесят четыре года

царствование, Нина Патерсон и Перси Гаррисон Фосетт наконец поженились. Затем они стали жить вместе в цейлонском гарнизоне. В мае 1903 года у них родился первенец – Джек. Он был похож на отца, от матери же он унаследовал более светлую кожу и более тонкие черты лица. «Необыкновенно красивый мальчик», – писал Фосетт. Джек казался сверхъестественно одаренным ребенком – по крайней мере, так считали его родители. «Он побежал уже в семь месяцев, он свободно болтал уже в год, – хвастался Фосетт. – Он всегда всех обгонял и обгоняет, и физически, и умственно».

Хотя Цейлон и стал для его жены и сына «раем на земле», Фосетта начали раздражать тесные рамки викторианского общества. Он слишком любит уединение, слишком амбициозен и упрям («отважен до безрассудства», замечает один из его знакомых), слишком любознателен, чтобы вписаться в офицерскую среду. Жена несколько смягчила его своенравие, однако он, по собственному выражению, сохранил «привычку во всем полагаться только на себя» и по-прежнему был полон решимости вести «поиски собственных путей в жизни, избегая проторенных дорог».

Эти пути привели его к одной из самых необычных фигур Викторианской эпохи – Елене Петровне Блаватской, или, как ее обычно именовали, мадам Блаватской. Одно время, в конце XIX столетия, Блаватская, провозглашавшая себя медиумом, казалось, стояла на пороге основания целого религиозного течения, которому суждена долгая жизнь. Мэрион Мид, один из ее самых бесстрастных биографов, писала, что при ее жизни люди по всему миру яростно спорили, кто она – «гений, хитроумная мошенница или просто сумасшедшая. Тогда уже можно было подобрать отличные доказательства для каждого из этих трех утверждений». Блаватская родилась в России в 1831 году, она была низенькая, тучная и пучеглазая, с ее многочисленных подбородков свисали складки кожи. Лицо у нее было очень широкое, и некоторые подозревали, что на самом деле она – мужчина. Сама она утверждала, что является девственницей (в действительности у нее было двое мужей и внебрачный сын) и воплощением аскетизма (выкуривая до двух сотен сигарет в день и бранясь как извозчик). Мид пишет: «Она весила больше других, ела больше других, курила больше других, ругалась больше других, и при этом она описывала небеса и землю такими словами, по сравнению с которыми все предыдущие теории казались ничтожными». Поэт Уильям Батлер Йейтс, подпавший под ее чары, уверял, что она – «человечнее всех живущих».

Посещая Америку и Европу в 1870-е и 1880-е годы, она собирала все новых и новых последователей, гипнотизируемых ее странным очарованием и варварской ненасытностью, а также уверенностью в том, что она способна заставлять предметы левитировать и умеет беседовать с мертвыми. Бурное развитие науки в XIX веке привело к парадоксальным последствиям: уменьшив в людях веру в христианство и буквальный смысл слов, написанных в Библии, оно высвободило в их сознании громадное пустое пространство для того, кто объяснил бы тайны вселенной, лежащие где-то в глубине – за всеми этими микробами, эволюцией и алчностью капиталистов. Джордж Бернард Шоу писал, что, вероятно, никогда прежде такое множество людей не было «помешано на столоверчении, спиритических сеансах, ясновидении, хиромантии, гадании на магических кристаллах и тому подобном».

Новые возможности науки, позволявшие обуздывать невидимые силы природы, часто только укрепляли доверие к этим взглядам. Если фонограф может улавливать человеческий голос, а телеграф – передавать послания с одного континента на другой, то почему бы науке в конце концов не наладить связь с потусторонним миром? В 1882 году несколько выдающихся английских ученых основали общество физических исследований. Вскоре в него вступили: один премьер-министр и несколько нобелевских лауреатов, а также Альфред Теннисон, Зигмунд Фрейд и Альфред Рассел Уоллес, который, наряду с Дарвином, разработал эволюционную теорию. Конан Дойл, чей Шерлок Холмс – воплощение рационалистического мышления, потратил долгие годы на то, чтобы подтвердить существование фей и духов. «Если кто-то из живущих на земле людей – Шерлок Холмс, так это я, и я утверждаю, что в деле о спиритуализме получены неопровержимые доказательства в пользу этого явления», – заявил однажды Конан Дойл.

Продолжая практиковаться в медиумическом искусстве, мадам Блаватская постепенно стала обращаться ко все более рискованным спиритическим сферам. Объявив себя медиумом братства тибетских махатм, прошедших реинкарнацию, она пыталась положить начало новой религии – теософии, или «мудрости богов». В основе этого течения лежали главным образом оккультные учения и восточные религии, в особенности буддизм, и для многих западных людей оно стало чем-то вроде контркультуры, вдобавок приправленной вегетарианством. Историк Джанет Оппенхайм в своем «Потустороннем мире» отмечает: «Для тех, кто хотел решительно восстать против жестких ограничений, налагаемых викторианской этикой, – как бы ни воспринимали они эту трудноуловимую сущность, – аромат ереси наверняка сделался особенно притягательным, когда его проводником стал такой ошеломительный чужак, как Е. П. Блаватская».

Некоторые теософы, закоренев в своей ереси, шли еще дальше и становились буддистами, объединяясь с религиозными лидерами Индии и Цейлона, противостоявшими колониальному владычеству. Среди этих теософов был и Эдвард, старший брат Фосетта, на которого Перси всегда смотрел с обожанием. Высоченный альпинист с золотым моноклем, Эдвард, в детстве слывший вундеркиндом и в тринадцатилетнем возрасте напечатавший эпическую поэму, помогал Блаватской в ее исследованиях и в создании фундаментального труда 1888 года – «Тайной доктрины». В 1890 году он отправился на Цейлон, где служил Перси: Эдвард должен был принести там пансил, или пять буддийских обетов, в том числе – клятвы не убивать, не пить спиртного и не прелюбодействовать. В одной индийской газете был помещен отчет об этой церемонии под заголовком «Англичанин переходит в буддийскую веру»:

Церемония началась примерно в 8.30 утра, в sanctum sanctorum[11 - Святая святых (лат.).] Буддийского зала, где верховный жрец Самангала экзаменовал кандидата. С удовлетворением выяснив воззрения м-ра Фосетта, жрец... заметил, что для него это величайшее удовольствие – приобщить м-ра Фосетта, просвещенного англичанина... Затем м-р Фосетт поднялся и попросил верховного жреца дать ему «Пансил». Священнослужитель согласился, и «Пансил» был зачитан, м-р Фосетт повторял его слова вслед за жрецом. Когда он произносил последнюю строку «Пяти обетов», английского буддиста с энтузиазмом приветствовали его присутствующие единоверцы.

По словам некоторых родственников, позже Перси Фосетт, явно вдохновившись примером брата, также принял пансил – поступок куда более дерзкий для колониального офицера, которому полагалось всячески притеснять буддистов и насаждать на острове христианство. В своих «Викторианцах» Э. Н. Уилсон, британский историк и романист, отмечает: «В ту самую эпоху, когда белая раса несла империализм в Египет и Азию, было нечто победоносно-революционное в тех представителях Запада, которых прельстила мудрость Востока, какие бы изломанные и абсурдные формы ни принимали эти верования». Другие специалисты подчеркивают, что европейцы XIX – начала XX века, даже самые благонамеренные, невольно считали Восток экзотичнее, чем он был на самом деле, что лишь помогало оправдать империализм. Во всяком случае, превосходство западной цивилизации над всеми прочими, в котором Фосетта убеждали всю жизнь, сталкивалось в его сознании с тем, что он испытал и пережил на других берегах. «Я снова и снова нарушал эти чудовищные законы

норм поведения, но, поступая так, я многому научился», – признавался он. С годами его попытки примирить эти противодействующие силы, найти баланс между собственным моральным догматизмом и культурным релятивизмом приведут его к причудливым духовным противоречиям и еще большей ереси.

Однако сейчас эти трения лишь подпитывали его восхищение такими путешественниками, как Ричард Фрэнсис Бертон или Дэвид Ливингстон, которых викторианское общество высоко ценило и даже в каком-то смысле обожествляло и которые при этом умудрялись жить вне рамок этого общества. Фосетт жадно глотал рассказы об их приключениях, помещаемые в бульварных листках, которые теперь печатались на новых типографских машинах, приводимых в действие паром. В 1853 году Бертон, переодевшись мусульманским паломником, сумел проникнуть в Мекку. Четыре года спустя, соревнуясь с другими исследователями в попытке найти истоки Нила, Джон Спик почти ослеп от инфекции и почти оглох, извлекая жучка, забравшегося в его слуховой канал. В конце 1860-х миссионер Дэвид Ливингстон, также ища истоки Нила, пропал в самом сердце Африки, а в январе 1871 года Генри Мортон Стэнли отправился на его поиски, поклявшись: «Никто из живущих... не остановит меня. Лишь смерть сможет мне помешать». Невероятно, но десять месяцев спустя Стэнли достиг своей цели и произнес свое знаменитое: «Доктор Ливингстон, если не ошибаюсь?» Ливингстон был намерен продолжать свои изыскания и отказался возвращаться вместе с ним. Страдая от закупорки артерии, головокружений, внутреннего кровотечения и голода, он умер на северо-востоке Замбии в 1873 году; перед смертью он молился на коленях. Его сердце, согласно завещанию, похоронили там же, а прочие останки его спутники на руках перенесли в гробу через весь континент, точно он был святым, и переправили в Англию, где толпы людей приходили в Вестминстерское аббатство, чтобы почтить его память.

Позднее Фосетт подружился с романистом, весьма ярко представившим внутренний мир викторианского искателя приключений и эрудита, – сэром Генри Райдером Хаггардом. В 1885 году Хаггард выпустил роман «Копи царя Соломона», который реклама нахваливала как «самую изумительную книгу всех времен и народов». Подобно многим приключенческим романам, она во многом была выстроена по образцу сказок и мифов – таких, как легенда о Граале. Главный герой романа – Аллан Квотермейн, фигура весьма характерная. Это здравомыслящий охотник на слонов, разыскивающий в Африке тайник с алмазами по карте, на которой проложен смертельно опасный маршрут. В. С. Притчетт отмечал, что, хотя «Э. М. Форстер сказал как-то, что романист опускает ведро в колодец бессознательного», Хаггард «приладил насос и осушил до дна весь резервуар тайных желаний читателя».

Впрочем, Фосетту незачем было ходить так далеко, чтобы увидеть свои желания выплеснутыми на печатную страницу. Бросив теософию, Эдвард, его старший брат, сменил поприще и стал популярным автором приключенческих романов: одно время его превозносили как английского Жюль Верна. В 1894 году он опубликовал «Поглощенных землетрясением» – историю о компании друзей, попавших в подземный мир, где они обнаруживают динозавров и племя «дикарей, пожирающих людей».

Однако ярче всего отразила фантазии его младшего брата следующая книга Эдварда, во многих смыслах ставшая ужасным предсказанием судьбы Перси. Роман «Тайна пустыни» вышел в 1895 году в кроваво-красной обложке, на которой был изображен путешественник в тропическом шлеме, повешенный на дворцовой стене. В центре повествования – ученый-любитель, картограф и археолог по имени Артур Мэннерс, олицетворение викторианского благоразумия. Финансируемый одним научным обществом, Мэннерс, «самый отважный из путешественников», покидает старомодную сельскую Англию, чтобы исследовать кишашую опасностями область Центральной Аравии. Намеренно отправившись в одиночку («полагая, вероятно, что лучше ни с кем не делиться теми чудесами, которые ему могут открыться»), Мэннерс забредает вглубь Большой Красной пустыни в поисках неведомых племен и развалин, представляющих интерес для археолога. Проходит два года, но от него не поступает никаких известий, и многие в Англии опасаются, что он умер от голода или же захвачен в плен каким-нибудь племенем. Трое коллег Мэннерса снаряжают спасательную экспедицию, воспользовавшись бронированным вездеходом, сконструированным одним из них, – фантастическим аппаратом, который, как и подводная лодка из «Двадцати тысяч лье под водой» Жюль Верна, служит своеобразным отражением и идеи прогресса, и новых ошеломляющих возможностей европейской цивилизации. Экспедиция получает сведения, что Мэннерс направился к легендарному Антилопьюму оазису, где, как уверяют, находятся «странные руины, оставшиеся от народа, некогда, без сомнения, великого, но теперь совершенно забытого». По пути к нему у друзей Мэннерса кончается вода, ими овладевает страх. «Мы, вызвавшие быть спасателями, теперь сами пропали». Потом они замечают поблескивающее озерцо – Антилопий оазис. А рядом с ним – развалины храма, доверху набитые сокровищами. «Я был полон восхищения перед забытым народом, оставившим после себя это удивительное сооружение», – говорит рассказчик.

Путешественники обнаруживают, что Мэннерса держат в плену внутри храма, и вывозят его на своем скоростном танке. У них нет времени на то, чтобы забрать

оттуда какие-нибудь предметы, которые доказали бы миру их открытие, и они вынуждены полагаться на Мэннерса, желая убедить «скептиков». Но один из участников экспедиции, планирующий вернуться и, опередив всех остальных, произвести раскопки развалин, говорит о Мэннерсе так: «Надеюсь, он не станет особенно распространяться о точной широте и долготе».

Однажды Фосетт покинул форт Фредерик и двинулся вглубь острова, через переплетение колючих кустов и вьющихся растений. «Повсюду меня окружали звуки – звуки дикого мира», – писал он о цейлонских джунглях. Несколько часов спустя он добрался до искомого места – стены, наполовину погребенной под землей и испещренной сотнями вырезанных на ней изображений слонов. Это была часть древнего храма, и вокруг Фосетт видел примыкающие к нему другие развалины – каменные колонны, сводчатые проходы, дагобы[12 - Мавзолеи у буддистов.]. Это были руины Анурадхапуры – города, который был построен здесь больше двух тысяч лет назад. Теперь же, по выражению одного из современников Фосетта, «город исчез, точно сон... Где те руки, что возвели его, те люди, что искали в нем убежища от испепеляющего дневного жара?». Позже Фосетт напишет своему другу, что «старый Цейлон погребен под лесом и плесенью... Там – кирпичи, исчезающие дагобы, непонятные курганы и провалы, а также надписи».

Фосетт уже не мальчик – ему за тридцать, и он не желал провести остаток жизни, переходя из одного гарнизона в другой и без конца строя воздушные замки. Он хочет стать тем, кого Джозеф Конрад называл «солдатом географии», несущим «в груди искру священного огня» и на потаенных широтах и долготах Земли открывающим секреты человечества. И он знает, что путь его ведет в одно-единственное место: лондонское Королевское географическое общество. Именно оно снарядило в путь Ливингстона, Спика, Бертон, именно оно дало начало Викторианской эпохе открытий. И Фосетт не сомневался: оно поможет ему осуществить то, что сам он называл своей Судьбой.

Глава 5

Белые пятна на карте

«Вот вам ваше Королевское географическое общество, приехали», – произнес таксист, высаживая меня февральским утром 2005 года перед входом в здание, располагавшееся напротив Гайд-парка. Строение выглядело как экстравагантный частный особняк, – чем оно и было, пока общество, расширяясь, не приобрело его в 1912 году. Трехэтажный дом со стенами красного кирпича, подъемными окнами, голландскими пилястрами и нависающей над верхним этажом медной крыши с несколькими каминными трубами, – вместе все это напоминало детское представление о замке. Вдоль фасадной стены высились ростовые статуи Ливингстона, в знаменитой кепке и с тростью, и Эрнста Шеклтона, исследователя Антарктики, в полярных сапогах, закутанного в многочисленные шарфы. При входе я спросил у охранника, где находятся архивы, которые, как я надеялся, могли бы пролить свет на деятельность Фосетта в качестве путешественника и на его последнее странствие.

Когда я впервые позвонил Джону Хеммингу, бывшему председателю Королевского географического общества и историку, занимавшемуся бразильскими индейцами, чтобы расспросить его об этом исследователе Амазонии, он осведомился: «Вы ведь не из свихнувшихся на Фосетте?» Похоже, общество с некоторых пор стало опасаться тех, кого слишком захватила судьба Фосетта. Несмотря на то что прошло уже много времени и вероятность его обнаружения неуклонно уменьшалась, иные искатели, кажется, с годами делались все фанатичнее. Десятилетиями они вымогали у общества информацию, стряпали свои собственные причудливые гипотезы, а потом отправлялись в джунгли на верную гибель. Их часто называли фосеттоманами. Один человек, отправившийся на поиски Фосетта[9 - Один человек, отправившийся на поиски Фосетта... – Стив Кемпер, сообщение 1995 года «Поминки по Фосетту» лично предоставлено С. Кемпером автору данной книги.] в 1995 году, писал в статье (неопубликованной), что его восхищение путешественником перешло в сущий «вирус» и что, когда он обратился в общество за помощью, «раздраженный» сотрудник заметил по поводу охотников на Фосетта: «По-моему, они безумны. Эти люди – просто одержимые». Я чувствовал себя по-дурацки, вламываясь в общество с требованием показать мне все бумаги Фосетта, однако архивы общества, в которых хранились, в частности, секстант Чарльза Дарвина и оригиналы карт Ливингстона, были открыты для широкой публики лишь несколько месяцев назад и могли оказаться для меня бесценными.

Охранник у входа выдал мне пропуск в здание, и я прошел по смахивающему на проход в пещере мраморному коридору, миновал старый вестибюль-курилку и облицованную орехом картографическую комнату, где некогда собирались

исследователи, подобные Фосетту. Недавно общество пристроило к зданию современный стеклянный павильон, но это обновление не развеяло атмосферу «не от времени сего», царящую в этом строении.

Однако во времена Фосетта общество помогало совершать один из самых невероятных подвигов в истории человечества – наносить мир на карту. Пожалуй, по размаху и количеству человеческих жертв с этим не может сравниться ни одно деяние – ни постройка Бруклинского моста, ни рытье Панамского канала. Это предприятие, начатое еще в те времена, когда древние греки заложили основные принципы изоэдренной картографии, растянулось на многие века, стоило, в пересчете на нынешние деньги, многие миллионы долларов и отняло тысячи жизней, а когда оно было почти завершено, то это достижение оказалось столь ошеломляющим, что уже мало кто мог вспомнить, как мир выглядел раньше и как вообще был совершен этот подвиг.

В одном из коридоров Королевского географического общества я увидел на стене гигантскую карту мира, относящуюся к XVII веку. Края ее украшали морские чудища и драконы. Столетиями у картографов не было[10 - Столетиями у картографов не было... – Сведения об истории карт и географии я главным образом почерпнул из следующих работ: Уилфорд. Создатели карт; Собел. Долгота; Бергрин. За краем света; де Камп и Лей. Земли по ту сторону.] никаких способов узнать, что же находится на большей части земного шара. И довольно часто эти пробелы заполнялись фантастическими королевствами и чудовищами, словно эти выдумки, пусть даже самые жуткие, были все же не столь страшны, как подлинное неведомое.

В Средние века и эпоху Возрождения на картах рисовали: азиатскую птицу, разрывающую людей на части; немецкое пернатое, светящееся в темноте; обитателей Индии – с шестнадцатью пальцами на ногах, песьими головами и прочим; африканских гиен, чьи тени заставляют собак неметь; существо под названием василиск, убивающее своим дыханием[13 - Чаше василиску приписывают способность убивать не дыханием, а взглядом.]. Самым страшным местом на карте считалась земля Гога и Магога, чьи армии, как предупреждала книга Иезекииля, однажды придут с севера, чтобы уничтожить народ израильский, «как туча, чтобы покрыть землю»[14 - Иез. 38: 9.].

При этом карты отражали вечное стремление человека к более притягательному предмету – раю на земле. Среди главных ориентиров у тогдашних картографов числились Фонтан юности, в поисках которого Понсе де Леон обшаривал

Флориду в XVI веке, и Эдемский сад, о котором Исидор Севильский, энциклопедист VII века, писал, что он полон «всевозможных видов деревьев, дающих материал для жилищ и плоды, и есть в нем также древо жизни».

В XII веке эти пылкие фантазии еще больше воспламенило письмо, появившееся при дворе византийского императора и написанное, по слухам, неким загадочным правителем – пресвитером Иоанном. В нем говорилось: «Я, пресвитер Иоанн, господин господствующих, и никто из царствующих на этой земле не сравнится со мной богатством, доблестью и силой. Семьдесят два царя являются моими подданными». И далее: «В стране нашей мед течет и молоко изобилует. В одной из областей наших никакая отравя не причиняет вреда, и не квачет крикливая лягушка, не водятся там скорпионы, и не ползают по траве змеи. Ядовитые животные не могут обитать в этом месте и причинять вред»[15 - Перевод с латыни Н. Горелова.]. Хотя это письмо, вероятнее всего, было писано в качестве некой аллегории, его приняли как доказательство существования земного рая, и составители карт охотно помещали этот рай в неизученные области Востока. В 1177 году папа Александр III отправил своего личного лекаря, чтобы тот передал «моему дражайшему сыну во Христе, прославленному и полновластному царю индийцев, служителю веры, мои приветствия и апостольское благословение». Доктор так никогда и не вернулся назад. Однако церковь и королевские дворы на протяжении столетий продолжали отправлять своих посланцев на поиски этого легендарного царства. В 1459 году просвещенный венецианский картограф Фра Мауро создал одну из самых подробных карт мира. Наконец-то изображение мифического королевства пресвитера Иоанна исчезло из Азии. Вместо этого Мауро написал поверх территории Эфиопии: «Qui il Presto Janni fa residential principal» – «Здесь пресвитер Иоанн главное обиталище держит».

Даже в 1740 году, по прошествии многих лет, ученые полагали, что лишь менее ста двадцати областей земного шара подробно и верно нанесены на карту. Точных портативных часов тогда не существовало, и у моряков не было способа определить долготу, которую проще всего вычислить, исходя из отсчета времени. Корабли натыкались на скалы и садились на мели, когда капитаны были убеждены, что находятся в открытом море, за сотни миль от берега; таким образом бесплодно погибли тысячи людей и огромное количество груза, который мы теперь бы оценили во многие миллионы долларов. В 1714 году британский парламент объявил: «Определение Долготы имеет весьма важное Значение для Великобритании и безопасности Военного и Купеческого Флота, а равно и для развития Торговли» – и предложил премию в размере двадцати тысяч фунтов (нынешний эквивалент – двенадцать миллионов долларов) за «Практичное и

Полезное» решение этой проблемы. Над ней бились величайшие ученые. Большинство из них надеялись использовать для определения времени положение Луны и звезд, однако Джон Гаррисон, признанный победителем в 1773 году, предложил более удобное решение – хронометр весом три фунта, с бриллиантовыми и рубиновыми осями и подпятниками.

Хронометр Гаррисона применялся с успехом, однако и он не помогал справиться с главной трудностью, преследовавшей создателей карт: расстоянием. Европейцы еще не достигли самых дальних концов земли – Северного и Южного полюсов. Кроме того, они пока почти не изучили внутренние области Африки, Австралии, Южной Америки. Картографы выводили на этих территориях простое и заманчивое: «Не исследовано».

В XIX веке, когда Британская империя разрослась еще больше[11 - В XIX веке, когда Британская империя разрослась еще больше... – Сведения об истории КГО см. в: Милл. Заметки по истории Королевского географического общества; Кэмерон. До самых дальних краев земли; Келти. Тридцать лет работы Королевского географического общества.], несколько английских ученых, адмиралов и купцов основали организацию, чьей задачей стало создание карты мира, основанной на наблюдениях, а не на воображении. Этой организации предстояло уточнить и очертания материков, и все, что лежит внутри этих контуров. Так в Лондоне, в 1830 году, родилось Королевское географическое общество. В учредительном заявлении сообщалось, что общество намерено «собирать, обрабатывать и публиковать... новые интересные факты и открытия»; построить хранилище для «лучших книг по географии» и «полного собрания карт»; иметь у себя самое сложное и совершенное оборудование для картографических и топографических исследований; а также помогать снаряжать путешественников, отправляющихся в экспедиции. Все это было частью его главной задачи – нанести на карту буквально каждый клочок земного шара. «Не было ни единого квадратного фута поверхности нашей планеты, куда Друзья общества не должны были хотя бы попытаться попасть, – позже заявлял один из председателей этой организации. – Это наша профессия. Это наша цель и призвание». Хотя общество выступало и своего рода прислужницей Британской империи, его задачи все же отличались от предшествующей эпохи географических открытий, когда конкистадоров наподобие Колумба отправляли в неведомые земли во имя Бога, ради золота и славы. Нет, Королевское географическое общество стремилось к исследованиям ради самих исследований, во имя нового бога – Науки.

За считанные недели после своего создания общество привлекло в свои ряды около пятисот членов. «[Оно] почти целиком состояло из мужчин с высоким социальным положением, – отмечал один из секретарей организации, добавляя: – Таким образом, его можно было бы назвать в какой-то степени светским общественным институтом, к членству в котором должен стремиться каждый, кто на что-то претендует». В первом списке членов общества значились выдающиеся геологи, гидрографы, натурфилософы, астрономы и видные офицеры, а также носители герцогских, графских и рыцарских титулов. Дарвин вступил в общество в 1838 году, а позже его примеру последовал его сын Леонард, который в 1908 году был избран председателем общества.

Снаряжая все новые и новые экспедиции по всему свету, общество привлекало в свои ряды не только искателей приключений, ученых и аристократов, но и разного рода эксцентричных личностей. Промышленная революция, сделавшая условия жизни низших классов просто чудовищными, в то же время невероятным образом обогатила британский средний и высший класс: их представители вдруг обнаружили, что могут себе позволить такое дорогостоящее хобби, как постоянные путешествия. Отсюда такой расцвет деятельности всякого рода богатых дилетантов в викторианском обществе. Королевское географическое общество стало прибежищем для таких людей, а кроме того, стало подспорьем для менее обеспеченных своих членов, таких как Ливингстон, чьи экспедиции нуждались в финансировании. Многие из входивших в общество были странноваты даже по викторианским меркам. Так, Ричард Бертон выступал в защиту атеизма и многоженства настолько яростно, что его супруга во время его отлучки в экспедицию вставила в одну из его рукописей следующее заявление: «Я горячо протестую против его религиозных и нравственных воззрений, идущих вразрез с достойной и благородной жизнью».

Неудивительно, что подобные члены общества представляли собой весьма неуравновешенную компанию. Бертон вспоминал, как на одном собрании, куда явилась его жена и другие родственники, он пришел в такое негодование после того, как его оппонент «изрыгнул лживые измышления», что стал размахивать указкой в направлении участников собрания, которые «глядели на меня так, словно я – тигр, который вот-вот на них прыгнет, или как будто я намерен пронзить указкой, точно копьем, моего оппонента, вставшего со скамьи. Словно чтобы еще больше оживить эту сцену, братья и сестры моей жены где-то в углу пытались удержать своего отца, старца, который прежде никогда не бывал на публичных прениях и который в безмолвной ярости медленно поднимался с места, слыша, как меня обвиняют в ошибочности утверждений». Много лет спустя другой член общества признавался: «Вероятно, путешественники – не

самые подходящие люди для того, чтобы создавать из них какую-то организацию. Собственно, можно даже сказать, что они и стали путешественниками благодаря некоторой своей асоциальности и потребности регулярно удаляться от всех своих близких на максимально возможное расстояние».

В обществе бушевали яростные споры относительно протекания рек и расположения гор, границ городов и городков, размеров океанов. Не менее бурными были дебаты о том, кому принадлежит приоритет в том или ином открытии – а значит, слава и богатство. Зачастую дискуссии касались самых фундаментальных вопросов нравственности и человеческого существования. Кто они, новооткрытые племена, – дикари или цивилизованные люди? Надлежит ли обращать их в христианство? Происходит ли современное человечество от одной-единственной древней цивилизации – или же таких цивилизаций было множество? Попытки ответить на эти вопросы нередко порождали непримиримые противоречия между так называемыми кабинетными географами и теоретиками, тщательно изучавшими все поступающие сведения, и исследователями-скитальцами, работавшими «в поле». Некий чиновник общества, выслушав гипотезы одного исследователя Африки, дал ему следующую отповедь: «Вы можете лишь точно описывать то, что видели; предоставьте ученым, которые остаются здесь, собирать данные, поступающие от множества путешественников, дабы выработать теорию». В свою очередь, путешественник Спик порицал географов, которые «сидят себе в мягких тапочках и критикуют тех, кто занимается полевыми исследованиями».

Пожалуй, самые жаркие баталии разгорались вокруг проблемы истоков Нила. Когда в 1858 году Спик объявил, что обнаружил, откуда берет начало эта река (в озере, которое он назвал Виктория), многие члены общества, предводительствуемые Бёртоном, его бывшим спутником по путешествиям, отказывались ему верить. Спик выражался о Бёртоне так: «Б. – из тех, кто не может заблуждаться, из тех, кто никогда не станет признавать собственную ошибку». В сентябре 1864 года эти двое, некогда, во время экспедиции, спасшие друг друга от неминуемой смерти, должны были схлестнуться на одном открытом собрании. Лондонская «Таймс» заранее назвала это событие «гладиаторскими боями». Однако перед самым началом собрания пришедших уведомили, что Спик не может явиться: накануне он отправился на охоту и его нашли мертвым; выяснилось, что он выстрелил в себя. «Господи помилуй, он покончил с собой!» – по слухам, воскликнул Бёртон, пошатнувшись на трибуне; позже Бёртона видели в слезах, он вновь и вновь твердил имя своего бывшего компаньона. Хотя никто так и не доказал, что выстрел был сделан

преднамеренно, многие, подобно Бёртону, предполагали, что именно затянувшиеся яростные дискуссии стали причиной смерти человека, отвоевавшего собственную жизнь у пустыни. Десятилетием позже подтвердилось, что заявление Спика о том, что он открыл истоки Нила, имело под собой все основания.

В первые годы существования общества самым ярким воплощением эксцентричности и отваги его членов служил сэр Фрэнсис Гальтон. Этот кузен Чарльза Дарвина был вундеркиндом и к четырем годам уже выучился латыни. В дальнейшем он сделал громадное количество изобретений. В их числе был вентилируемый цилиндр; аппарат под названием «освежитель нервов», периодически увлажнявший его голову, чтобы он не уснул во время своих нескончаемых штудий; подводные очки; а также особый паровой двигатель с вращающимися лопастями. Он страдал от периодических нервных срывов («мозговых растяжений», как он их именовал) и был одержим маниакальной жадой измерить и подсчитать практически все на свете. Он количественно оценивал: чувствительность слуха животных (с помощью своей трости, способной издавать почти неслышный свист); эффективность молитв; среднюю продолжительность жизни представителей всевозможных профессий (у адвокатов – 66,51; у врачей – 67,04); точную длину веревки, необходимую для того, чтобы сломать шею преступнику, но не лишить его головы; а также уровни скуки (на заседаниях Королевского географического общества он измерял интенсивность ерзания каждого участника собрания). К сожалению, Гальтон, как и многие его коллеги, был убежденным расистом и пытался измерить уровень умственного развития человека, а позже прославился как отец евгеники.

В иные времена его мания измерения могла бы сделать Гальтона обычным сумасшедшим. Но, как однажды заметил биолог-эволюционист Стивен Джей Гулд, «никто не выразил зачарованность этой эпохи числами так, как это сделал прославленный кузен Дарвина». И не было места, где эту страсть разделяли бы сильнее, чем в Королевском географическом обществе. В 1850-х Гальтон, получивший в наследство достаточно денег, чтобы не обременять себя заурядной службой, вступил в общество и при его поддержке и руководстве занялся исследованием Южной Африки. «Мною овладела тяга к странствиям, – писал он, – я был точно перелетная птица». Он наносил на карту и документировал все, что мог: широты и долготы, топографию, животных, климат, племена. Вернувшись со славой, он получил золотую медаль Королевского географического общества – самую престижную награду в этой области. В 1854 году Гальтон был избран в правление общества, где на

протяжении следующих четырех десятилетий занимал самые разные посты, в том числе – почетного секретаря и вице-председателя. Гальтон и его отряд (сплошь мужчины, только в конце XIX века незначительным большинством голосов удалось принять в общество двадцать одну женщину) начали атаку, как писал Джозеф Конрад о таких солдатах географии, «с севера и юга, с востока и запада, завоеывая клочок правды там, клочок правды здесь, а иногда бесследно исчезая, будучи поглощены той тайной, которую их сердца столь настойчиво желали раскрыть».

– Какие материалы вы ищете? – спросила меня одна из архивисток.

Я уже спустился в небольшой читальный зал, располагавшийся в подвале. Книжные полки, залитые искусственным светом, ломились от путеводителей, атласов и переплетенных экземпляров «Протоколов заседаний Королевского географического общества». Большую часть коллекции общества, включающей в себя свыше двух миллионов карт, ценных предметов, фотографий и отчетов об экспедициях, несколько лет назад перенесли из этих, как их называли, «диккенсовских условий» в кондиционированные катакомбы, и я видел, как сотрудники снуют туда-сюда, входя в них через боковую дверь и выходя обратно.

Когда я сказал архивистке, что разыскиваю бумаги Фосетта, она бросила на меня озадаченный взгляд.

– Что такое? – спросил я.

– Видите ли, многие из тех, кто интересуется Фосеттом, несколько... как бы вам сказать...

Она исчезла в катакомбах, и ее голос затерялся вдали. Ожидая ее возвращения, я пролистал несколько отчетов об экспедициях, организованных при поддержке общества. Один из них описывал путешествие 1844 года, возглавляемое Чарльзом Стартом и его помощником Джеймсом Пулом: они обследовали австралийскую пустыню в поисках мифического внутреннего моря. «Жара здесь настолько сильна, что... волосы у нас перестали расти, и ногти стали хрупкими, как стекло, – писал Старт в дневнике. – Всех нас поразила цинга. На нас обрушилась жестокая головная боль, ломота в суставах, у нас распухли десны, и

в них появились язвы. М-ру Пулу делалось все хуже и хуже; наконец кожа на его мышцах почернела, и он перестал владеть нижними конечностями. 14-го числа он внезапно скончался». Внутреннего моря в Австралии никогда не существовало, и эти отчеты показали мне, сколь многое в географических открытиях основано на тактических ошибках и фантазиях – на неудачах, а не на успехе. Может быть, общество и покорило мир, но лишь после того, как мир покорило его членов. В длинном списке тех, кого общество принесло в жертву, Фосетт попадает в особую категорию – и не живых, и не мертвых, или, по выражению одного писателя, «живых мертвецов».

Вскоре архивистка вернулась из хранилища с полдюжиной папок в обложках из крапчатой кожи. Когда она положила их на стол, с них полетела лиловатая пыль.

– Придется вам надеть вот это, – сказала она, передавая мне пару белых перчаток.

Натянув их, я раскрыл первую папку: из нее вывалились желтоватые, ломкие от ветхости письма. На страницах видны были слова, написанные невероятно мелким и косым почерком, выведенные слитно, точно в шифровке. Это был почерк Фосетта. Я взял один из листков и расправил его на столе перед собой. Письмо датировалось 1915 годом и начиналось так: «Дорогой Ривз...». Имя было знакомое, и я открыл один из справочников Королевского географического общества и просмотрел именной указатель. Эдвард Эйрст Ривз работал куратором картографического отдела общества с 1900 по 1933 год.

В папках хранилась переписка Фосетта с сотрудниками общества более чем за два десятилетия. Многие из посланий были адресованы Ривзу или сэру Джону Скотту Келти, который являлся секретарем КГО с 1892 по 1915 год, а позже стал его вице-председателем. Кроме того, здесь имелось огромное количество писем от Нины, правительственных чиновников, путешественников и друзей, которых тревожило исчезновение Фосетта. Я знал, что у меня уйдет несколько дней, если не недель, на то, чтобы посмотреть все, но я был в восторге. Вот она, карта, которая поможет мне проследить за жизнью Фосетта, а может быть, и за его смертью.

Я поднес одно из писем поближе к свету. Оно датировалось 14 декабря 1921 года. В нем говорилось: «Нет почти никаких сомнений, что в этих лесах таятся следы забытой цивилизации самого неожиданного и удивительного свойства».

Открыв свой журналистский блокнот, я стал делать записи. В одном из писем упоминалось, что некогда Фосетт получил «диплом» КГО. Прежде мне нигде не попадались сведения о том, чтобы общество выдавало кому-то дипломы, и я спросил у архивистки, почему Фосетт был им награжден.

– Вероятно, он участвовал в одной из учебных программ общества, – ответила она. Подойдя к одной из полок, она стала рыться в журналах. – Да, вот здесь написано. Судя по всему, он закончил полный курс обучения примерно в тысяча девятьсот первом.

– Вы хотите сказать, что он прямо-таки пошел учиться на путешественника?

– Думаю, можно выразиться и так.

Глава 6

Ученик

Фосетту не хотелось опаздывать. Было 4 февраля 1900 года[12 - Было 4 февраля 1900 года... – Дата установлена по письму министерства обороны 1901 года, адресованному секретарю Королевского географического общества; местоположение гостиницы упомянуто у Ривза в его «Воспоминаниях географа».], и ему надо было всего лишь добраться от своей гостиницы в Редхилле, Сюррей, до дома № 1 по Сэвил-роу, что в лондонском районе Мэйфэйр, однако ничто в городе не двигалось – а точнее, все в городе, казалось, пребывало в непрерывном движении. Ходячие рекламы. Мальчишки – разносчики мясников. Клерки. Конные омнибусы. И странный зверь, постепенно завоевывающий улицы, распугивающий лошадей и пешеходов, торчащий у каждой обочины, – автомобиль. Первоначально закон предписывал водителям двигаться со скоростью не более двух миль в час, причем впереди должен был идти специальный сигнальщик с красным флажком, однако в 1896 году максимально допустимая скорость была увеличена до четырнадцати миль в час. И повсюду, куда ни смотрел Фосетт, новое и старое, казалось, постоянно враждовали: электрические огни, рассеянные по модным гранитным улицам, и газовые фонари, стоящие на большинстве вымощенных булыжником углов и

слабо поблескивающие в тумане; подземка, мчащаяся под землей, точно одна из научно-фантастических придумок Эдварда Фосетта, и велосипеды, которые всего несколько лет назад были самым прогрессивным видом транспорта на здешних дорожках и которые уже успели устареть. Казалось, соперничали даже запахи: традиционная вонь конского навоза и новейшая бензиновая. Фосетт словно заглядывал одновременно в прошлое и в будущее.

С тех пор как он четырнадцать лет назад уплыл из Англии на Цейлон, Лондон, пожалуй, стал более многолюдным, более грязным, более современным, более богатым, более бедным, более... во всем – более, более. Имея свыше четырех с половиной миллионов жителей, Лондон являлся самым крупным городом в мире – больше Парижа или Нью-Йорка. Девчонки-цветочницы кричали: «Все, что растет, все, что цветет!» Мальчишки-газетчики вопили: «Уж-жасное убийство!»

Проталкиваясь сквозь толпу, Фосетт наверняка изо всех сил старался уберечь одежду от попадания сажи, летевшей из угольных печей, смешивавшейся с туманом и дававшей особый лондонский сорт копоты – неистребимое черное вещество, проникавшее повсюду; даже замочные скважины в домах здесь закрывали металлическими пластинками. И потом, был еще и конский навоз – «лондонская грязь», как его вежливо называли, – и хотя его и собирали уличные мальчишки, продавая потом всем в округе, шляясь от дома к дому и нахваливая его как удобрение для садов и огородов, он был практически повсюду, куда бы ни ступал Фосетт.

Фосетт свернул на изящную улицу в районе Барлингтон-гарденз, вдалеке от публичных домов и фабрик ваксы. На углу виднелся красивый каменный дом с портиком. Это и был дом № 1 по Сэвил-роу. Фосетт разглядел крупную надпись: «Королевское географическое общество».

Входя в этот трехэтажный дом (общество еще не переселилось поближе к Гайд-парку), он понимал, что вступает в своего рода заколдованное царство. Над парадной дверью имелось окно в форме фонаря-полушария; на каждом его стекле были изображены параллели и меридианы. Должно быть, Фосетт прошел мимо кабинета старшего клерка и его двух помощников и мимо лестницы, ведущей в зал заседаний, прежде чем очутился в помещении со стеклянной крышей. Проникавшие сюда пыльные лучи солнечного света освещали глобусы и таблицы. Это была картографическая, и в ее дальнем конце, на возвышении, обычно восседал человек, которого и искал сейчас Фосетт: Эдвард Эйрст Ривз.

Ему было под сорок[13 - Ему было под сорок... – Описания Ривза и его курса я почерпнул главным образом из его мемуаров «Воспоминания географа», а также из его опубликованных лекций «Карты и картография».], он начинал лысеть, и у него был крючковатый нос и аккуратно подстриженные усы. Ривз был не только куратором отдела картографии, но и главным инструктором по геодезии и топографии – и главным человеком, отвечавшим за то, чтобы сделать из Фосетта джентльмена-исследователя. Превосходный чертежник, Ривз начал работать в обществе в 1878 году, когда ему было шестнадцать, в качестве помощника предыдущего куратора, и он, видимо, никогда не забывал того ощущения благоговейного ужаса, которое охватывало новичков, впервые оказывавшихся в здании общества. «Я отлично все это помню, – пишет он в своей автобиографии, озаглавленной „Воспоминания картографа“. – С какой гордостью и вместе с тем с каким страхом и трепетом я впервые проник в это чудесное место, о котором я читал в книгах и из которого путешественники отправлялись во все концы света, а потом возвращались, чтобы поведать о своих удивительных открытиях и героических приключениях». Ривз отличался от большинства воинственных и одержимых членов общества: он вел себя мягко и дружелюбно. «Это был прирожденный учитель, – замечает о нем один из коллег. – Он точно знал, как выразить ту или иную мысль так, чтобы ее мог уловить даже самый бестолковый ученик».

Наконец Фосетт и Ривз поднялись на третий этаж, где проводились занятия. Фрэнсис Гальтон сулил каждому новобранцу скорое вступление в «общество людей, чьи имена он давно знал и кому он поклонялся как своим героям». Примерно в то же время, что и Фосетт, курс геодезии и картографии слушал Чарльз Линдси Темпл, развлекавший коллег рассказами о годах, проведенных в Бразилии в качестве колониального чиновника; лейтенант Т. Данрейтер, помешанный на коллекционировании редких бабочек и прочих насекомых; а также Артур Эдвард Сеймур Лаутон, позже, в 1913 году, застреленный мексиканскими бандитами, – ему было тогда тридцать восемь лет.

Ривз перешел к делу. Если Фосетт и другие студенты последуют его инструкциям, они могут составить новое поколение великих первооткрывателей. Ривз научит их тому, чего на протяжении почти всей истории человечества не умели делать картографы: определению своего местоположения, где бы они ни находились. «Если вы завяжете человеку глаза и доставите его в любую точку земной поверхности, скажем куда-нибудь в глубину Африки, и затем снимете с него повязку, он [при должной подготовке] быстро покажет вам на карте то самое место, где он находится», – заявлял Ривз. Более того, если Фосетт и его коллеги отважатся взойти на самые большие вершины и проникнуть в самые

густые леса, они смогут нанести на карту те царства, что еще остаются в нашем мире неоткрытыми.

Ривз показал им несколько странных предметов. Один напоминал телескоп на металлическом колесе, с многочисленными винтами и отсеками. Ривз пояснил, что это теодолит, позволяющий определять угол, характеризующий положение небесных тел относительно горизонта. Он продемонстрировал им и другие инструменты: искусственные горизонты[16 - Плоская, горизонтально расположенная зеркальная поверхность, используемая при астрономических наблюдениях.], анероиды и секстанты – и затем вывел Фосетта и остальных на крышу здания, чтобы испытать эти приборы. Туман часто мешал наблюдать солнце или звезды, но сейчас видимость была неплохая. Широту, объяснял Ривз, можно вычислить, измеряя угол, отвечающий высоте полуденного солнца над горизонтом, или относительную высоту, на которой находится Полярная звезда. Каждый из студентов попробовал определить свое местоположение с помощью этих устройств, – необычайно трудная задача для начинающего. Когда пришла очередь Фосетта, наставник смотрел на его действия с восхищением. «Он невероятно быстро схватывал все новое, – позже вспоминал Ривз. – И хотя он никогда прежде не пользовался секстантом и искусственным горизонтом для наблюдения звезд, я помню, как в первый же вечер он спроецировал положение звезд на искусственный горизонт и мгновенно, без всяких затруднений определил точную высоту. Всякий, кто пытался это сделать, знает, что обычно это удается только после долгих упражнений».

Фосетта учили не только проводить геодезическую и картографическую съемку, но и по-настоящему видеть – записывать и классифицировать все, что его окружает, используя умение, которое греки называли аутопсисом. Подспорьем для студентов служили главным образом два руководства[14 - ...главным образом два руководства. – Более подробные сведения о том, как эти руководства формировали мировоззрение викторианцев, см. в: Драйвер. Солдат географии.]. Первое – «Искусство путешествовать», написанное Фрэнсисом Гальтоном для широкой публики. Второе – «Советы путешественникам», изданные под редакцией Гальтона и ставшие своего рода неофициальной библией общества. (Фосетт захватил экземпляр даже в свою последнюю экспедицию.) В издании 1893 года утверждалось: «Если путешественник не ведет наблюдений, это большая потеря как для него, так и для всех остальных». И далее: «Помните, что первейшие и наилучшие инструменты – собственные глаза путешественника. Пользуйтесь ими постоянно и фиксируйте ваши наблюдения прямо на месте, имея с собой для этой цели записную книжку с нумерованными страницами и карту... Отмечайте, если они вам попадутся, все

значимые находки; реки и ручьи, их полноводность и цвет; горные хребты, их характер, видимое строение, обледенение; цвет и формы ландшафта, преобладающее направление ветра, климат... Короче говоря, описывайте для себя все, что видите в тот или иной момент». (Необходимость документировать любое наблюдение была так укоренена в путешественниках того времени, что Роберт Фолкон Скотт во время своей гонки к Южному полюсу продолжал вести заметки, даже когда он и все члены его экспедиции уже умирали. Среди последних слов, нацарапанных в его дневнике, есть и такие: «Если бы мы выжили, я бы должен был сам рассказать целую повесть о выносливости, упорстве и храбрости моих спутников, и эта повесть потрясла бы сердце любого англичанина. Теперь эту повесть должны рассказать мои неуклюжие записи и наши трупы».)

Чтобы отточить наблюдательность будущих путешественников, в руководствах, как и на семинарах, проводимых обществом, излагались основы ботаники, геологии и метеорологии. Кроме того, студентам преподавались начала зарождающейся дисциплины – антропологии, которую часто называли «наукой о дикарях». Несмотря на контакты викторианцев с ошеломляющим количеством иных культур, в этой сфере по-прежнему действовали почти исключительно дилетанты и несведущие энтузиасты. (В 1896 году в Великобритании был лишь один университетский профессор антропологии.) Фосетта учили видеть контуры материков; теперь его таким же образом обучали, как наблюдать иных – тех, кого «Советы путешественникам» именовали «дикарями, варварами, или слаборазвитыми народами». Учебник предостерегал студентов против «предрассудков, которыми полон ваш европейский образ мысли», хотя и отмечал, что «установлено, что некоторые народы уступают другим по объему и сложности мозга, и в этом отношении австралийцы и африканцы находятся ниже европейцев».

Как и для картографирования мира[15 - Как и для картографирования мира... – Информацию об инструментах, которыми пользовались первые антропологи, я почерпнул главным образом из «Советов путешественникам» (издание 1893 г.) и пособия 1874 года «Заметки и задачи по антропологии», составленного Британской ассоциацией развития науки.], для измерения людей также имелись свои инструменты: рулетки и штангенциркули для определения параметров тела; динамометры для оценки мышечной силы, пружинные весы для определения массы тела; гипс для снятия слепков; краниометр для установления размера черепа. «В случае необходимости скелеты туземцев, особенно черепа, следует переправлять в метрополию для детального исследования», – предписывало руководство. Разумеется, это может оказаться

непростым делом: «Едва ли благоразумно рисковать вызвать неудовольствие туземцев, забирая их покойника». Считалось, что неизвестно, как «проявляются чувства у различных народов, так что весьма важно подмечать, насколько при внешнем наблюдении эти проявления отличаются от наших – когда они улыбаются, смеются, хмурятся, плачут, краснеют и т. п.».

Кроме того, Фосетта и его соучеников обучали основам альпинизма и проведению экспедиции как таковой, от изготовления подушек из грязи до выбора лучших вьючных животных. «Невзирая на свое непобедимое упрямство, осел – превосходное, терпеливое животное, чересчур презируемое нами», – отмечал Гальтон, вычисляя, со своей обычной маниакальной въедливостью, что осел способен нести на себе примерно шестьдесят пять фунтов груза, лошадь – до ста фунтов, верблюд – до трехсот.

Руководителю экспедиции рекомендовалось перед отправлением дать каждому члену своего отряда подписать официальное соглашение, что-то вроде договора. Гальтон приводит его образец:

«Мы, нижеподписавшиеся, составляем экспедицию с целью исследования, под руководством м-ра X, места под названием _____, при этом всецело и без оговорок отдавая себя (а также своих лошадей и снаряжение) под его начало, обязуясь при этом выполнять все его указания, направленные на достижение намеченной цели, начиная с текущего дня с. г. и до нашего возвращения в _____, в случае же неисполнения данного условия мы готовы принять все последствия, которые могут включать в себя... Мы честно обещаем приложить все усилия для соблюдения гармонии в нашем отряде и для того, чтобы экспедиция достигла успеха. В чем и подписываемся.

(подписи)».

Студентов предупреждали, чтобы они не слишком упивались властью над своими людьми и постоянно были настороже, высматривая возможное недовольство, заговоры или зреющие бунты. «Всеми силами способствуйте веселью, пению, розыгрышам», – советует Гальтон. Надлежит также внимательно относиться к помощникам из местных: «Искреннее, шутливое, но твердое отношение, в соединении с демонстрацией большего доверия к дикарям, нежели вы действительно ощущаете, – вот лучший путь».

Болезни и травмы могут изнурить отряд, и Фосетт получает некоторые базовые медицинские указания. Так, его обучают, как удалить гниющий зуб: следует «попеременно толкать и тянуть» его. Если вы приняли внутрь что-то ядовитое, нужно немедленно вызвать у себя рвоту: «Воспользуйтесь обмылком или порохом, если под рукой нет рвотного». При укусе ядовитой змеи Фосетту следовало прижечь ранку порохом или же вырезать пораженный участок ножом. «Затем выжгите [область вокруг укуса] концом железного шомпола, нагретого как можно ближе к белому калению, – рекомендует Гальтон. – Артерии залегают глубоко, и обычно мясо можно без особого вреда взрезать или прижечь – сжав кожу пальцами как можно сильнее. Далее следует приложить наивозможнейшую энергию и даже жестокость для того, чтобы не позволить укушенному поддаться сонливости и головокружению, которые обычно являются следствием проникновения в тело змеиного яда и которые часто приводят к смерти». Лечение кровоточащих ран (скажем, нанесенных стрелой) было столь же «варварским»: «Налейте в рану кипящий жир».

Впрочем, ничто не могло сравниться с ужасной перспективой голода и жажды. Путешественнику предлагалось освоить фокус с «возбуждением» слюны во рту: «Это можно проделать, жуя что-нибудь, например лист дерева; можно также держать во рту пулю или гладкий, не впитывающий влагу камешек, наподобие гранулы кварца», – пояснял Гальтон. В случае голода Фосетту предписывалось пить кровь животных, если таковую удастся добыть. Провозглашалось, что саранча, кузнечики и другие насекомые также съедобны и могут спасти жизнь. («Чтобы приготовить их, оторвите им ноги и крылья и изжарьте насекомых на железной сковороде с небольшим количеством жира, как кофе».)

Кроме того, существовала угроза со стороны «дикарей» и «людоедов». Проникая на такие территории, исследователь должен был передвигаться под покровом темноты, имея под рукой ружье со взведенным курком и будучи постоянно настороже. Чтобы захватить пленного, «возьмите нож в зубы и, стоя над пленником, выньте заряды из ружья и положите их рядом с собой. Затем как можно крепче свяжите ему руки. Подобная последовательность действий диктуется тем, что ловкий и хитрый дикарь, пока вы возитесь с веревкой, будучи при этом отягощены заряженным ружьем, может легко вывернуться, выхватить у вас ружье и обратить его против вас».

И наконец, студентам объясняли, как поступить, если погибнет кто-то из их отряда. Они должны написать подробный отчет о случившемся и добиться того, чтобы прочие участники экспедиции утвердили его. «В случае потери одного из

ваших людей, прежде чем уйти, предоставив его собственной участи, созовите официальное собрание отряда, спросите, убеждены ли они, что вы сделали все возможное для его спасения, и запишите их ответы», – призывает Гальтон. Если кто-то из членов экспедиции умрет, следует собрать его вещи для передачи родным и с почестями похоронить тело. «Выберите приметное место, выкопайте глубокую могилу, обложите ее ветками колючих кустарников и хорошенько забросайте сверху тяжелыми камнями, чтобы защитить ее от хищных животных».

После более чем годичного курса Фосетт держал экзамен вместе со своими соучениками. Студенты должны были продемонстрировать топографические и картографические навыки, требовавшие глубокого понимания геометрии и астрономии. Фосетт часами штудировал свою науку вместе с Ниной, которая разделяла его интерес к исследованиям и без усталости трудилась, чтобы помочь ему. Он знал, что в случае неудачи ему придется вернуться к отправной точке и снова стать солдатом. На экзамене он тщательно написал ответы на все вопросы. Закончив, он передал лист Ривзу. И стал ждать. Ривз сообщил студентам их результаты и затем обрушил на Фосетта неожиданную новость. Он сдал экзамен – но не только. В своих мемуарах Ривз выделяет Фосетта среди прочих, отмечая, что тот окончил курс «с отличием». Фосетт добился своего; он получил официальное одобрение Королевского географического общества – или, как он сам выразился, «КГО признало во мне исследователя». Теперь ему нужна была лишь конкретная цель.

Глава 7

Сублимированное мороженое и адреналиновые носки

– Не поедешь же ты вот так, – заметила моя жена.

Я опустил взгляд на кровать, куда выложил несколько пар шорт и пару адидасовских кроссовок.

– У меня еще швейцарский армейский нож есть, – сообщил я. – Что-то не очень ты мне доверяешь.

На другой день, вняв ее увещеваниям, я отправился на поиски места, где можно приобрести более подходящее снаряжение. Друзья направили меня в один из крупных манхэттенских магазинов, который обслуживает все растущее число любителей походов, внедорожных мотоциклов и экстремальных видов спорта, а также лихих пейнтбольных рубак (по выходным). Магазин был размером почти с заводской склад. Я шагнул внутрь, и у меня закружилась голова. С потолков и стен свешивались палатки радужных цветов и каяки банановой окраски, розовато-лиловые горные велосипеды и сияющие неонами сноуборды. Целые прилавки были отведены под репелленты против насекомых, сублимированные продукты, мази для губ и кремы от загара. Особый отдел был посвящен всевозможной обуви («Наши гуру подберут вам идеал!» – гласила надпись), где едва хватало места для каких-то «пружинных снегоступов с застежкой-храповиком». Имелись специальные уголки для «адреналиновых носков» и комплектов из майки и трусов фирмы «Теквик». На стойках располагались журналы – «Любители походов», «Турист-походник» и им подобные; на обложку издания «За порог – и в поход»[17 - Hooked on the Outdoors, Backpacker, The Outdoors at Your Doorstep.] были вынесены слоганы «Атаку медведя можно пережить!» и «Последние нехоженые места Америки: 31 способ обрести уединение, найти приключения – и самого себя». Повсюду толпились покупатели, по виду – типичные «фанаты экипировки». Казалось, чем меньше в мире остается возможностей для подлинного первооткрывательства, тем больше появляется разнообразных средств для всех, кто все же попытается этим заняться, и тем изощреннее становятся приспособления, с помощью которых люди стремятся воспроизвести эти ощущения: растяжимые тросы для прыжков-банги, сноуборды... Однако, пожалуй, теперь путешествия больше не направлены на совершение открытий во внешнем мире, – напротив, они устремлены внутрь, к тому, что путеводители и брошюры именуют «походной терапией с погружением в дикую природу» и «личностным ростом при помощи приключений».

Я в смятении стоял перед стеклянным ящиком, наполненным странными приспособлениями, напоминавшими часы, когда из-за прилавка вышел молодой продавец с длинными жилистыми руками. Было в нем что-то от человека, недавно спустившегося с Эвереста.

– Вам чем-нибудь помочь? – осведомился он.

– Что тут у вас? – спросил я.

– О, это клевая фишка. – Он отодвинул дверцу прилавка и достал искомый предмет. – Маленький компьютер, видите? Показывает температуру, где бы вы ни находились. И высоту над уровнем моря. А еще тут цифровой компас, часы, будильник и точный хронометр. Несравненная штукавина.

Я спросил, сколько она стоит, и он ответил: около двухсот долларов, но я не пожалею, если ее куплю.

– А это что такое? – спросил я, указывая на другой прибор.

– Тут похожая тема. Только он еще и следит за вашим пульсом. Плюс у него отличные возможности для записи. Сохраняет все данные, которые вы захотите в него внести: погоду, расстояния, скорость восхождения и все такое прочее. Кстати, а что за путешествие вы планируете?

Когда я как мог объяснил ему свои намерения, он, казалось, загорелся энтузиазмом, и я вспомнил об одном фосеттоискателе тридцатых годов, который расклассифицировал людей по их реакции на его планы:

Среди них были Осторожные, которые говорили: «Это в высшей степени дурацкая авантюра». Были Умные, которые отмечали: «Это в высшей степени дурацкая авантюра; но, по крайней мере, в следующий раз ты будешь понимать, во что ввязываешься». Были Мудрые, они изрекали: «Это дурацкая авантюра, но совсем не такая дурацкая, как кажется». Были Романтики, которые, судя по всему, верили, что если все будут постоянно заниматься такими авантюрами, то скоро мир избавится от всех невзгод и бед. Были Завистники, громко благодарившие Бога, что не они отправляются в такое путешествие; были и те, кто, наоборот, с разной степенью неуверенности заявлял, что отдал бы все, лишь бы отправиться. Были Правильные Люди, интересовавшиеся, есть ли у меня знакомые в тамошнем посольстве. Были Практики, пространно толковавшие о прививках и калибрах... Были Опасливые, осведомлявшиеся, составил ли я завещание. Были Те, Кто, Между Прочим, Тоже В Свое Время Кое-что Такое Проделал, они сообщали мне изощреннейшие способы полезного использования муравьев и замечали, что мартышек можно отлично приготовить, не говоря уж о ящерицах и попугаях: на вкус все они напоминают цыпленка.

Пожалуй, этот продавец относился к Романтикам. Он спросил, сколько я собираюсь там пробыть, и я ответил: не знаю, по крайней мере месяц, а то и больше.

– Потрясающе. Потрясающе. Значит, вы погрузитесь в атмосферу настоящего.

Казалось, он что-то обдумывает. Потом он спросил, правда ли, что одна рыбка в Амазонке, под названием кандиру, «ну, вы знаете, та самая, что...».

Он не договорил, да это и не требовалось. Мне доводилось читать об этом почти прозрачном, похожем на зубочистку существе в «Неоконченном путешествии». Их опасаются больше, чем пираний: это одно из немногих животных на Земле, питающихся исключительно кровью. (Его называют также «бразильской рыбкой-вампиром».) Обычно кандиру проникает в жабры к рыбам и сосет их кровь, однако иногда попадает и в отверстия человеческого тела – вагину или анус. Вероятно, более всего она знаменита тем, что умеет забираться в пенис, навсегда застревая в нем из-за своих колючек. Если ее не удалить, это означает неминуемую смерть, и не раз сообщалось, что в глухих уголках Амазонии ее жертв кастрировали, только бы спасти их. Фосетт, видевший кандиру, хирургическим путем извлеченную из мочеиспускательного канала мужчины, сообщает: «Эта рыба – причина многих смертей, и ее жертвы погибают в страшных муках».

После того как я поведал продавцу все, что знаю о кандиру, он из Романтика превратился в Практика. Хотя мало что может защитить человека от такого создания, он рассказывал мне о все новых и новых приспособлениях, совершивших настоящий переворот в туристическом искусстве: о приборе, совмещающем в себе цифровой термометр, фонарик, лупу и свисток; о компрессионных рюкзаках, сжимающих собственное содержимое; о швейцарских армейских ножах с флеш-накопителем для хранения фотографий и музыки; о водоочистных бутылках, одновременно служащих светильниками; о переносном горячем душе, работающем на солнечной энергии; о байдарках, складывающихся до размеров вещмешка; о плавучем фонаре, не требующем батарей; о куртках-парках, превращающихся в спальные мешки; о палатках, не требующих колышков; о таблетке, «за пятнадцать минут уничтожающей все вирусы и бактерии».

Чем больше он мне объяснял, тем решительнее я становился. Я могу это совершить, думал я, укладывая в корзинку несколько предметов, взятых словно из арсенала Джеймса Бонда. Наконец продавец заинтересовался:

– Вы ведь никогда раньше не бывали в походах, а?

И он помог выбрать вещи, которые мне действительно понадобятся, в том числе удобные туристские ботинки, прочный рюкзак, одежду из синтетики, сублимированную еду и москитную сетку. Еще я положил в корзинку портативный прибор GPS – просто из соображений безопасности. «С ним вы никогда не заблудитесь», – пообещал продавец.

Я горячо поблагодарил его и, вернувшись к нашему дому и войдя в подъезд, занес все покупки в лифт. И нажал кнопку второго этажа. Но не успели дверцы сомкнуться, я задержал их рукой, вылез и, таща все в руках, отправился к себе по лестнице.

В этот вечер, уложив спать своего сына Захарию, я разложил все вещи, которые собирался взять с собой в путешествие, и начал их паковать. Среди них была папка с копиями самых важных бумаг Фосетта. Просматривая ее, я задержался на письме, где подробно говорилось о чем-то, по словам Брайана Фосетта, настолько «секретном-пресекретном», что его отец «никогда не говорил о целях этого предприятия» с кем бы то ни было. Как явствовало из письма, в 1901 году, после того как ему вручили диплом общества, Фосетт получил первое задание – от британского правительства. Он должен был отправиться в Марокко. Но не как путешественник, а как шпион.

Глава 8

Вглубь Амазонии

Это было отличное прикрытие[16 - Это было отличное прикрытие. – Подробности о работе Фосетта на британскую разведку я почерпнул из его марокканского дневника за 1901 год, хранящегося в семейном архиве Фосеттов.]. Внедриться туда в качестве картографа, с картами, телескопом и мощными биноклями.

Обследовать объект так же, как обследуешь неведомую землю. Наблюдать за всем: за людьми, их разговорами, всевозможными местами. В дневнике Фосетт набросал список того, что просил его изучить британский шеф (человек, которого он называет просто Джеймс): «особенности дорог... деревни... вода... армия и организация населения... вооружение, в т. ч. пистолеты... политика». Не были ли все тогдашние путешественники в каком-то смысле разведчиками, проникавшими на чужую территорию и возвращавшимися, чтобы сообщить ее секреты? В XIX веке британские власти все чаще вербовали агентов из числа первопроходцев и картографов. Это был не только удобный способ под благовидным предлогом заслать человека в другую страну: полезно иметь агентов, умеющих собирать важную географическую и политическую информацию, которую так жаждало получить правительство. Британские власти превратили[17 - Британские власти превратили... – Мои сведения о картографическом отделе по Индии и его агентах взяты преимущественно из книг Хопкирка «Большая игра» и «Вторгшиеся на крышу мира».] индийское отделение картографического отдела в настоящую разведслужбу. Составителей карт учили придумывать «легенды» и выбирать агентурные псевдонимы («Номер первый», «Мыслитель», «Главный мыслитель»), а проникнув в земли, запретные для жителей Запада, искусно маскироваться. В Тибете многие исследователи одевались буддийскими монахами и использовали четки для измерения расстояний (каждая передвигаемая бусина – сто шагов), а молитвенные мельницы – для того, чтобы прятать в них компасы и клочки бумаги для записей. Кроме того, они устраивали в своих сундучках двойное дно, чтобы укрывать там вещи покрупнее, например секстанты; в свои паломнические чаши для сбора подаяния они наливали ртуть, необходимую для работы с искусственным горизонтом. Королевское географическое общество часто бывало осведомлено о такого рода занятиях, а то и являлось их соучастником: среди его членов имелись бывшие и действующие шпионы, в том числе – Фрэнсис Янгхасбенд, председатель общества с 1919 по 1922 год.

В Марокко Фосетт принимал участие в африканском варианте того, что Редьярд Киплинг, говоря о своего рода соревновании колониалистов за господство над Центральной Азией, называл «Большой игрой». В своих тайных листках Фосетт наскоро записывал, что «поболтал» с одним марокканским чиновником, который был «битком набит сведениями». Сойдя с обычных маршрутов, пролегающих через пустыню, Фосетт попадал в края, где местные племена похищали или убивали проезжающих иноземцев, позже он отмечал, что там «необходимо одеваться по-мавритански, но даже в этом случае путешествие сопряжено с огромным риском». Фосетту удалось попасть ко двору, чтобы собирать сведения о самом султানে. «Султан молод и слабохарактерен, – писал он. – Главное для

него – собственные удовольствия, и он проводит время, совершая велосипедные трюки, до которых он большой охотник, забавляясь с автомобилями, механическими игрушками, фотографическими аппаратами, бильярдной игрой, а также велосипедной охотой на кабанов, благодаря которой подкармливает свой зверинец». Всю эту информацию Фосетт передавал «Джеймсу». Вернулся в Англию он в 1902 году. Это единственный случай, когда Фосетт официально выполнял роль разведчика, однако его хитроумие и наблюдательность привлекли внимание сэра Джорджа Тобмена Голди, британского колониального чиновника, в 1905 году ставшего председателем Королевского географического общества.

В начале 1906 года Голди вызвал Фосетта, который после возвращения из Марокко сменил несколько военных гарнизонов, последний из которых располагался в Ирландии. С Голди шутки были плохи. Он славился острым умом и переменчивым характером; он почти в одиночку обеспечивал британский контроль над Нигером в 1880–1890-х. В свое время он шокировал викторианское общество, сбежав в Париж с гувернанткой, а кроме того, он был ярким атеистом и горячим поборником дарвиновской эволюционной теории. «[Он] впадал в нетерпеливую ярость, сталкиваясь с чьей-то глупостью или некомпетентностью, – писал один из его биографов. – Не существовало человека, который более нетерпимо относился бы к дуракам».

Фосетта провели в здание КГО для встречи с Голди, чьи синие глаза, казалось, «сверлили дырки в собеседнике», по выражению одного из его подчиненных. Голди, которому было под шестьдесят, всегда носил в кармане ампулу с ядом, чтобы принять его, если он станет инвалидом или неизлечимо больным. Как вспоминает Фосетт, Голди спросил его:

– Вы что-нибудь знаете о Боливии?

Когда Фосетт ответил отрицательно, Голди проговорил:

– Обычно Боливию называют крышей мира. Значительная ее часть действительно покрыта горами, но к востоку от них лежат громадные пространства тропических лесов и равнин. – Голди полез в свой стол и извлек огромную карту Боливии, которую и расстелил перед Фосеттом, точно скатерть. – Вот посмотрите, майор, лучшей карты страны у меня, пожалуй, и нет. Взгляните на этот район! Тут полно белых пятен.

Водя пальцем по карте, Голди объяснил: эта область до такой степени не исследована, что Боливия, Бразилия и Перу даже не могут договориться о своих границах и просто провели условные линии через горы и джунгли. В 1864 году пограничные споры между Парагваем и его соседями вылились в один из самых серьезных военных конфликтов в истории Латинской Америки. (Погибло около половины населения Парагвая.) Экономическая заинтересованность в проведении границ в Амазонии была также высока из-за огромного спроса на каучук («черное золото»), которым изобилует этот регион.

– Могут возникнуть серьезные междоусобицы, так как неизвестно, кому какая территория принадлежит, – заявил Голди.

– Все это весьма интересно, – перебил его Фосетт, – но при чем тут я?

Голди сказал, что граничащие друг с другом страны создали специальную демаркационную комиссию и теперь им нужен независимый наблюдатель от Королевского географического общества, который сможет нанести на карту спорные границы – начиная с района между Боливией и Бразилией, представляющего собой несколько сотен миль почти непроходимых земель. Экспедиция может занять до двух лет, и нет гарантии, что ее участники вернутся живыми. В регионе свирепствуют болезни, а индейцы, с которыми не раз жестоко расправлялись охотники за каучуком, убивают вторгающихся к ним чужаков.

– Согласились бы вы взять на себя эту задачу? – спросил Голди.

Позже Фосетт рассказывал, что в этот момент сердце у него учащенно забилось. Он подумал о своей жене Нине, которая снова была беременна, и о сыне Джеке, которому не было и трех лет. Однако он не колебался: «Само провидение остановило на мне свой выбор, поэтому я и не мог ответить иначе!»

Тесный, грязный трюм парохода «Панама» был битком набит, как выражался Фосетт, «авантюристами, головорезами и изображающими из себя таковых, старыми негодьями с лицами словно печеные яблоки». Строгий и чопорный в своем белом крахмальном воротничке, Фосетт сидел рядом со своим помощником по экспедиции – тридцатилетним инженером и картографом[18 - ...тридцатилетним инженером и картографом... – В «Неоконченном

путешествии» Фосетт выводит Чиверса под именем Чалмерс.] Артуром Джоном Чиверсом, которого рекомендовало ему Королевское географическое общество. Фосетт проводил время за изучением испанского, тогда как прочие пассажиры хлестали виски, плевались табачной слюной, резались в кости и валялись с корабельными шлюхами. «Они все были хороши на свой лад, – писал Фосетт, добавляя: – Для [Чиверса] и меня это служило полезным введением в сферу жизни, о которой до сего времени мы не имели ни малейшего представления, и в этом процессе познания наша английская сдержанность была сильно поколеблена».

Корабль пришвартовался в Панаме, где шло строительство канала, на тот момент – самая амбициозная в истории попытка человека обуздать природу. Эта стройка дала Фосетту первый намек на то, с чем ему придется столкнуться: на молу штабелями высились десятки гробов. С тех пор как в 1881 году началось рытье канала, более двадцати тысяч рабочих умерли здесь от малярии и желтой лихорадки.

В городе Панаме Фосетт сел на корабль, направляющийся в Перу, а затем отправился на поезде вверх по склонам Анд, на вершинах которых сверкал снег. Когда поезд добрался до высоты примерно в двенадцать тысяч футов, путешественник пересел на пароходик и пересек озеро Титикака («Как странно видеть пароходы здесь, на „крыше мира“!»), а затем втиснулся в еще один тряский состав, который перевез его через равнины и доставил в Ла-Пас, столицу Боливии. Там он больше месяца ожидал, пока правительство выделит ему несколько тысяч долларов на снаряжение и оплату путевых расходов – сумму значительно меньшую, нежели он ожидал получить. Его нетерпение приводило к шумным ссорам с местными чиновниками, которые приходилось урегулировать британскому консулу. Наконец 4 июля 1906 года они с Чиверсом готовы были отправиться в путь. Они навьючили мулов чаем, сгущенным молоком, сухим супом «Эдвардс», сардинами в томатном соусе, лимонадным порошком, печеньем с орехами колы, которое, если верить «Советам путешественникам», оказывает «феноменальное действие, поддерживая силы при длительном их напряжении». Кроме того, они взяли с собой картографическое и геодезическое оборудование, винтовки, альпинистские веревки, мачете, гамаки, москитные сетки, сосуды для сбора образцов, рыболовные лески, стереоскопический фотоаппарат, лоток для мытья золота, а также подарки для туземцев – к примеру, бисер. В аптечке имелись марлевые бинты; йод для смазывания комариных укусов; перманганат калия для промывки овощей или ран, нанесенных стрелами; складной нож для вырезания участков, пораженных укусами ядовитых змей или гангреной; опиум. В свой рюкзак

Фосетт положил издание «Советов путешественникам» и дневник, а также любимые стихи для того, чтобы перечитывать их там, в диких краях. Он часто брал с собой «Исследователя» Редьярда Киплинга.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<http://www.litres.ru/devid-grann/zateryanny-gorod-z/?lfrom=201227127>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Сноски

1

Перевод Н. Волжиной.

2

Перевод М. Лозинского.

3

Понсе де Леон – соратник Колумба, губернатор Пуэрто-Рико и Гаити.

4

Здесь и далее цитаты из «Неоконченного путешествия» Фосетта приводятся по опубликованному русскому переводу С. Серпинского.

5

Такой выступ, по английской примете, предвещает раннее вдовство.

6

Клуб для девочек-скаутов, основанный в 1910 г.

7

Намек на стандартные вопросы анкеты, заполнявшейся при въезде в США.

8

Система, позволяющая вести цифровую запись с телевизора и обмениваться такими записями.

9

Новостной тележурнал. Выпускается компанией Си-би-эс с 1968 г.

10

Один из старейших колледжей Оксфорда.

11

Святая святых (лат.).

12

Мавзолеи у буддистов.

13

Чаще василиску приписывают способность убивать не дыханием, а взглядом.

14

Иез. 38: 9.

15

Перевод с латыни Н. Горелова.

16

Плоская, горизонтально расположенная зеркальная поверхность, используемая при астрономических наблюдениях.

17

Hooked on the Outdoors, Backpacker, The Outdoors at Your Doorstep.

Комментарии

1

Он был последним... – Несмотря на то что многие свои экспедиции Фосетт совершил уже после смерти королевы Виктории в 1901 году, его часто называют викторианским путешественником. Он не только возмужал в викторианский период – он был, почти во всех смыслах, буквально пропитан викторианской этикой и свойственным тогдашней эпохе духом первооткрывательства.

2

Среди них был... – Конан Дойл, примечания к «Затерянному миру»; Перси Гаррисон Фосетт, «Неоконченное путешествие». Об истоках отношений между Перси Фосеттом и Конан Дойлом известно мало. В «Неоконченном путешествии» указано, что Конан Дойл посетил одну из лекций Фосетта, которую тот прочел перед членами Королевского географического общества. В одном из писем к Конан Дойлу Фосетт вспоминает, как тот пытался связаться с ним, когда писал свой «Затерянный мир», но ему вынуждена была ответить Нина, так как сам Фосетт находился в то время в джунглях. В аннотированном «Затерянном мире», вышедшем в 1996 году, Рой Пайлот и Элвин Родин подчеркивают, что Фосетт был «хорошо известен Конан Дойлу», и даже перечисляют множество сходных черт между Фосеттом и героем романа – вымышленным путешественником Джоном Рокстоном. Любопытно, что Перси, возможно, не был единственным из Фосеттов, оказавшим влияние на это знаменитое произведение Конан Дойла. В 1894 году, за два десятка лет до публикации «Затерянного мира», Эдвард, брат Фосетта, выпустил книгу «Поглощенные землетрясением» – роман, где также рассказывается о людях, обнаруживших скрытый от посторонних глаз мир, где обитают доисторические динозавры. В своей статье, опубликованной в «Бритиш Хэритэйдж» в 1985 году, писатель Роберт К. Дж. Темпл, литературный душеприказчик Эдварда Фосетта, обвиняет Конан Дойла в «бесстыдном» заимствовании сюжета ныне почти забытого романа Эдварда.

3

Это судно... – Источник моих описаний «Вобана» и жизни на борту океанских лайнеров того времени – в частности, брошюра компании «Лэмпорт и Хольт»

«Южная Америка: земля новых возможностей, континент захватывающих чудес, рай для туристов», работа Хитона «Лэмпорт и Хольт» и книга Макстона-Грэма «Единственный путь на ту сторону».

4

Она начинается... – Описания Амазонки я почерпнул из нескольких источников. В их числе: Гулдинг, Бартем и Феррейра. Смитсонов атлас Амазонии; Ревкин. Испепеляющий сезон; Хаскинс. Амазонка; Уитмор. Тропические дождевые леса: введение; Бейтс. Натуралист на Амазонке; Прайс. Диковинная Амазонка.

5

Экспедицию возглавлял... – В основе моего описания экспедиции 1996 года – мои интервью с Джеймсом Линчем и членами его команды, а также информация из книги Леала «Полковник Фосетт».

6

...многие археологи и географы... – Более подробное обсуждение научных дискуссий о проблеме развитых цивилизаций Амазонии см. в работе Манна «1491».

7

...к викторианскому представлению об образцовом джентльмене. – Подробности, касающиеся викторианских обычаев и этики, см. в руководстве 1865 года

«Обыкновенная жизнь хорошего общества», в книге Кэмпбелла «Этикет хорошего общества» и книге Бристоу «Порок и бдительность».

8

...дамы подчиняются ему... – Из газетной статьи в альбоме вырезок Фосетта, семейный архив Фосеттов.

9

Один человек, отправившийся на поиски Фосетта... – Стив Кемпер, сообщение 1995 года «Поминки по Фосетту» лично предоставлено С. Кемпером автору данной книги.

10

Столетиями у картографов не было... – Сведения об истории карт и географии я главным образом почерпнул из следующих работ: Уилфорд. Создатели карт; Собел. Долгота; Бергрин. За краем света; де Камп и Лей. Земли по ту сторону.

11

В XIX веке, когда Британская империя разрослась еще больше... – Сведения об истории КГО см. в: Милл. Заметки по истории Королевского географического общества; Кэмерон. До самых дальних краев земли; Келти. Тридцать лет работы Королевского географического общества.

12

Было 4 февраля 1900 года... – Дата установлена по письму министерства обороны 1901 года, адресованному секретарю Королевского географического общества; местоположение гостиницы упомянуто у Ривза в его «Воспоминаниях географа».

13

Ему было под сорок... – Описания Ривза и его курса я почерпнул главным образом из его мемуаров «Воспоминания географа», а также из его опубликованных лекций «Карты и картография».

14

...главным образом два руководства. – Более подробные сведения о том, как эти руководства формировали мировоззрение викторианцев, см. в: Драйвер. Солдат географии.

15

Как и для картографирования мира... – Информацию об инструментах, которыми пользовались первые антропологи, я почерпнул главным образом из «Советов путешественникам» (издание 1893 г.) и пособия 1874 года «Заметки и задачи по антропологии», составленного Британской ассоциацией развития науки.

16

Это было отличное прикрытие. – Подробности о работе Фосетта на британскую разведку я почерпнул из его марокканского дневника за 1901 год, хранящегося в семейном архиве Фосеттов.

17

Британские власти превратили... – Мои сведения о картографическом отделе по Индии и его агентах взяты преимущественно из книг Хопкирка «Большая игра» и «Вторгшиеся на крышу мира».

18

...тридцатилетним инженером и картографом... – В «Неоконченном путешествии» Фосетт выводит Чиверса под именем Чалмерс.

Купить: <https://tellnovel.com/devid-grann/zateryannyy-gorod-z-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)